

Виктор Алеветдинов

Большой Уссурийский Нулевая протока

Приграничный мистический триллер

18+

Виктор Алеветдинов

Большой Уссурийский.
Нулевая протока

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Большой Уссурийский. Нулевая протока / В. Алеветдинов —
«Автор», 2026

Пункт пропуска на Большом Уссурийском ещё не открыт, дороги российской и китайской сторон не соединены. Но ночью система досмотра объявляет прибытие автомобиля из Фуюаня — и мастер дорожной бригады исчезает между двумя камерами. Инженер-геодезист Алексей Неверов и гидролог Линь Юэ начинают расследование. Репер меняет место, в чужом паспорте стоят даты 2008 и 2028 годов, а под насыпью обнаруживается дорога, которой нет ни на одной схеме. Нулевая протока возникает там, где расходятся координаты, документы и память. Она способна вернуть следы погибших, но требует платы — воспоминания, имени или чужой жизни. Алексей должен закрыть путь, даже если на другой стороне его ждёт погибший брат. «Большой Уссурийский. Нулевая протока» — приграничный мистический триллер о памяти и цене желания исправить необратимое. Примечание. География острова, рек и городов, а также схема перехода основаны на реальных объектах. Персонажи, организации, аномалии, происшествия и мистическая система вымышлены.

Содержание

Часть I. Объявление до открытия	5
Глава 1. Объявление до открытия	5
Глава 2. Репер, который ушёл	10
Глава 3. Паспорт с двумя датами	15
Глава 4. Дорога под песком	21
Глава 5. Карта без середины	27
Глава 6. Два моста	32
Глава 7. Ночной досмотр	37
Глава 8. Первый возврат	44
Глава 9. Лишний пассажир	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Алеветдинов

Большой Уссурийский. Нулевая протока

Часть I. Объявление до открытия

Глава 1. Объявление до открытия

К полуночи ветер с Амура добрался до контрольной кабины и нашёл щели, которые строители обещали закрыть ещё на прошлой неделе. Алексей Неверов сидел перед тремя мониторами, сверял журнал ночной смены и грел ладонь о бумажный стакан. Кофе давно остыл, зато стакан защищал от сквозняка.

За стеклом белели будущие полосы грузопассажирского автомобильного пункта пропуска. Разметку успели нанести на двух, остальные угадывались по бетонным основаниям и стойкам освещения. Дальше дорога упиралась в глухую насыпь. До соединения с китайской стороной оставались месяцы работы.

Журнал не показывал отклонений. Самосвал покинул площадку в двадцать три сорок две, машина электриков въехала в двадцать три сорок две. Мастер Семён Кириллов принял участок и расписался так широко, будто ему передавали остров в личное пользование.

Динамик под потолком щёлкнул, и Алексей поднял голову. Система оповещения работала в тестовом режиме, но без команды говорить не умела. После короткой паузы женский голос произнёс:

— Внимание. На досмотр прибыл автомобиль со стороны Фуюаня. Проследуйте на полосу номер десять.

За стеной продолжал гудеть генератор, однако на площадке сразу стало тихо. Через несколько секунд дверь распахнулась. Семён вошёл в жилете поверх ватной куртки и посмотрел на динамик.

— Это мы уже открылись? Я тогда жене позвоню. Пусть встречает международного человека.

— Никуда не звони. И пульт не трогай.

— Я к нему из уважения не подхожу. Он умнее половины стройки.

Алексей открыл журнал событий. Объявление прошло в 00:03:11, но поле источника команды оставалось пустым. Питание контроллера было стабильным. Резервный блок не включался, а электрики подтвердили отсутствие работ на контуре.

На первой полосе стояла катушка кабеля, на второй темнели следы самосвала. Десятая была пуста. Закрытый шлагбаум отделял её от технологического проезда, который заканчивался у насыпи.

Алексей открыл тестовую панель оповещения. Для объявления требовались номер полосы, направление и карточка прибытия. Карточки не было, но система сама выбрала десятый динамик и отметила сообщение как исполненное. Оператор подтвердил, что этот маршрут ещё не принимали в эксплуатацию: на прошлой проверке голос доходил только до первых четырёх полос.

— Значит, система решила потренироваться без нас, — сказал Семён.

— Системы не решают. Люди ошибаются в настройках.

— Тогда у неё появился очень самостоятельный человек.

— Проверь шлагбаум, — сказал Алексей. — Держи связь по рации.

Семён взял каску со шкафа и уже у двери обернулся.

— Если найду машину из Фуюаня, попрошу водителя привезти чай. Этот кофе надо сдавать как строительный раствор.

Алексей вызвал рабочего из соседнего павильона и велел подойти к десятой полосе навстречу Семёну. После этого оставил на мониторах две соседние камеры. Между ними находились стойка освещения, бетонный островок и створ шлагбаума. Расстояние по рабочей схеме составляло двадцать восемь метров.

Семён появился в первом кадре. Он шёл быстро, прижимая рацию к плечу, а возле стойки поднял голову и показал камере большой палец.

— Шлагбаум закрыт, — сообщил он. — Перед ним чисто.

— Дойди до островка. Паша уже подходит.

На втором мониторе Паша вышел из-за павильона, остановился и посмотрел в сторону первой камеры. Он поднял рацию.

— А Семён где?

Алексей перевёл взгляд. Семён закрыл собой стойку и должен был сразу выйти с другой стороны, но кадр оставался пустым.

— Перед тобой. Метров десять.

— Передо мной только шлагбаум.

Алексей вызвал Семёна. Рация ответила шипением, затем в динамике прозвучал короткий удар о металл. Паша побежал к стойке, пересёк тот же участок и без задержки появился на обеих камерах.

— Его тут нет. Рацию тоже не вижу.

Алексей сохранил оба видеофрагмента, скопировал журнал событий на внешний накопитель и только потом встал. Дежурный оператор предложил перезапустить систему, но Алексей отказался. После перезапуска часть служебных записей могла обновиться, а Семёна обычной кнопкой было не вернуть.

— Ничего не выключай, — сказал он оператору. — Новые команды записывай, но не подтверждай.

— А если опять прибудет автомобиль?

— Пусть ждёт открытия.

На улице ветер ударил в лицо. Свет мачт делил площадку на белые участки, за которыми начиналась темнота. Паша стоял у стойки без каски. Алексей заставил его вернуться на два шага и надеть её, после чего они осмотрели бетонный островок.

На влажном грунте тянулись отпечатки рабочих ботинок. Следы Семёна шли от кабины до стойки и обрывались у края асфальта. За стойкой оставались только следы Паши. Свернуть в сторону незаметно Семён не мог: зоны камер перекрывались.

Под стрелой шлагбаума лежала рация. Замок оставался закрытым, пломба не была повреждена. Алексей надел перчатку, поднял рацию за ремешок и нажал передачу. Из динамика донеслись три удара, пауза и ещё один.

— Это Семён? — спросил Паша.

— Канала связи нет. Запись идёт внутри рации.

— Она раньше так не умела.

— Раньше и машины сюда не прибывали.

Алексей позвонил Елене Руденко. Руководитель технической безопасности ответила после второго сигнала. Он сообщил об объявлении, исчезновении Семёна и разрыве между камерами.

— Травму, падение и самовольный уход исключили? — спросила Елена.

— Пока нет. Рация лежала под закрытым шлагбаумом, следов дальше нет.

— Останови технику на десятом направлении. Остальные работы продолжаются. Я еду.

— Нужно закрыть и девятую. У них общий технологический проезд.

Елена помолчала, затем согласилась. Она запретила объявлять общую тревогу до проверки: на площадке оставались люди, открытые траншеи и незакреплённые конструкции. Паника могла привести к аварии быстрее любой неисправности.

— И под насыпь один не лезь, — добавила она.

— Там нет входа.

— Значит, выполнить распоряжение будет нетрудно.

Алексей передал команды. Погрузчик на девятой полосе заглушил двигатель, рабочие отошли от проезда. Ночная бригада собралась возле кабины, и Алексей назначил поиск по секторам. Двое проверяли павильоны, ещё двое шли вдоль ограждения. Паша остался у шлагбаума, а Алексей начал осмотр технологического проезда.

Если Семён упал, бетонные блоки могли закрыть его от обзора. Если ушёл сам, он должен был попасть на другую камеру. Алексей не собирался придумывать третью версию, пока не исчерпал первые две.

В трёх метрах перед шлагбаумом он заметил свежий след шин. Две колеи начинались на чистом участке, проходили под закрытой стрелой и тянулись к насыпи. Рисунок протектора был грузовым. В углублениях блестела вода, края ещё не успели осыпаться. Паша подошёл сбоку и посветил фонарём.

— Наш самосвал?

— Он шёл в другую сторону и сюда не заезжал.

— Старый след после дождя проявился?

— Дождь его размывал бы.

След пересекал закрытый шлагбаум так, словно стрелы на пути не было. Под стрелой не прошёл бы грузовик даже со спущенными шинами. Алексей сфотографировал колею, поставил рядом масштабную рейку и двинулся к насыпи.

Проезд обрывался у стены песка выше человеческого роста. Колея доходила до откоса и исчезала без вмятины. Никакого въезда, провала или осыпавшегося грунта здесь не было.

Пока Алексей работал с приёмником, двое рабочих проверили водоотводную канаву вдоль откоса. В ней лежала только дождевая вода, а решётка на трубе оставалась закрытой. Пройти там взрослый человек не мог. За ограждением тоже не нашли следов: мягкий грунт сохранил отпечатки бригады, но подошв Семёна среди них не было.

Алексей установил переносной приёмник и снял координаты начала следа. Первый замер показал смещение точки почти на метр. Он переставил веху, повторил измерение и получил то же значение, хотя прибор должен был показать другое положение. После ручной привязки координата вернулась на место.

— Прибор замёрз? — спросил Паша.

— Ему всё равно.

— Хоть одному из нас хорошо.

Алексей отметил шлагбаум и конец колеи, затем вычислил длину. След проходил через участок между камерами, но вместо двадцати восьми метров получалось больше тридцати четырёх. Он проверил масштаб проекта и повторил расчёт.

— Пройди от стойки до стойки, — попросил он Пашу. — Считай шаги.

— Мой шаг теперь измерительный?

— Ненадолго. Не привыкай.

Паша прошёл между камерами, затем повторил путь вдоль колеи. Во второй раз шагов оказалось заметно больше, хотя начало и конец совпадали с теми же стойками. Он вернулся без прежних шуток.

— Так не бывает.

— Поэтому до приезда Елены об этом не говорим.

Фары скользнули по ограждению. Елена приехала сама, надела каску возле машины и сразу пошла к десятой полосе. Алексей показал ей рацию, видеозаписи и свежий след. Она присела у колеи, провела перчаткой по краю отпечатка и попросила журнал движения техники.

— Такой машины в журнале нет, — сказал Алексей. — Камеры её тоже не показывают.

— След мог остаться до установки шлагбаума.

— После вечернего дождя.

Елена просмотрела фрагменты с Семёном. Метки времени на двух камерах совпадали, зоны обзора пересекались. Потом она открыла геодезическую схему и увидела разницу в длине.

— Ошибка масштаба?

— Проверил дважды.

— Тогда утром снимешь участок заново.

— Я начну сейчас.

— Ты на ногах семнадцать часов.

— Семён тоже работал эту смену.

— Усталость не делает измерение честнее.

Она велела придвинуть медицинский модуль ближе и повторно проверить помещения. Общую тревогу по-прежнему не объявляли. На площадке работали люди, которым достаточно было услышать слово «пропал», чтобы половина бросилась искать, а вторая начала звонить родственникам.

— Две полосы закрыты до завершения проверки, — сказал Алексей.

— До утра, — поправила Елена.

— Если Семёна не найдём, утром срок станет длиннее.

— Не пиши это в акте так уверенно. Иначе нас начнут проверять раньше, чем мы его найдём.

Паша отвернулся, но Алексей заметил, что он всё же усмехнулся. Елена тоже заметила и ничего не сказала. Она ещё раз осмотрела насыпь, после чего разрешила продолжить локальный поиск и приказала не подходить к откосу по одному.

К двум часам ночи бригада проверила павильоны, временные склады и ограждение. Семёна нигде не было. В кабине осталась одна рабочая перчатка. Вторую Семён надел перед обходом. Медик подтвердил, что Семёна не нашли, и остался ждать в машине.

Алексей вернулся к мониторам. Оператор включил второй обогреватель, и в кабине стало жарко. Рядом с клавиатурой лежала распечатка журнала.

— Я только распечатал, — сказал оператор. — Ничего не менял.

После исчезновения Семёна система получила запрос на открытие шлагбаума. Номер машины отсутствовал, источник команды тоже. Оператор отклонил запрос, и теперь запись висела со статусом «ожидание досмотра».

Алексей загрузил сохранённое видео. Семён дошёл до стойки в 00:05:22. Через три секунды Паша появился во второй камере. За это время Семён не мог добраться до насыпи, даже если бы бежал. Схема обзора подтверждала, что выйти в сторону незаметно было невозможно.

В журнале доступа пропуск Семёна оставался активным. Система видела его вход в начале смены и не фиксировала выхода. Алексей сверил время с турникетом строительного городка и резервной копией: обе записи совпадали. По документам мастер находился на площадке, хотя шестеро людей уже обошли её дважды.

— Хоть одна система говорит, что он здесь, — заметил оператор.

— Она говорит только о пропуске, — ответил Алексей. — Людей она пока различает хуже.

Он наложил на геодезический план координаты колеи. Линия прошла через участок камер, но снова оказалась длиннее реального расстояния. Елена встала рядом и посмотрела на экран.

— Разные системы координат?

— Здесь одна рабочая сеть.

— Утром проверишь её независимым прибором.

— Проверю. Но сеть не оставляет следов шин.

В верхней части экрана мигнул индикатор. Статус ожидания изменился без команды. Исходная строка исчезла, а внизу журнала появилась новая запись.

«Полоса 0. Досмотр завершён».

Алексей перечитал её. В поле стоял ноль. Такого номера не было ни в настройках, ни в проекте.

— Вы это вводили? — спросила Елена оператора.

— Я к журналу не прикасался.

Елена велела удалить строку, но Алексей остановил оператора и придвинул к себе клавиатуру.

— До этой записи система ждала машину. Теперь считает событие закрытым. Если убрать её до копирования, мы потеряем единственный результат.

— Машины не было, — сказала Елена.

— След был. И Семён исчез на том же участке.

— Пока неисправность контроллера вероятнее дороги внутри насыпи.

— Тогда перезапуск оставит нам чистый экран и тот же пропавший человек.

Елена недовольно сжала губы. Алексей знал этот взгляд: она уже соглашалась с решением, но не с тем, как он к нему пришёл.

— Сделайте две копии, — сказала она оператору. — Одну отдайте мне. Систему оставляем включённой до утра. Если шлагбаум откроется сам, питание снимаем физически.

Оператор заметно расслабился: систему оставляли включённой, а от него требовалось только вести запись. Алексей открыл настройки полос. В списке стояли номера от одного до десяти. Нулевой там не было.

За стеной кабины раздался глухой удар. стакан с остывшим кофе дрогнул на столе, по поверхности прошли круги. Второй удар оказался слабее, но пришёл снизу.

Алексей открыл панель датчиков насыпи. Один канал на оси будущего технологического соединения выдал короткий импульс. Через несколько секунд сработал соседний датчик. Отметка смещалась на запад, в сторону будущей границы.

— Под насыпью есть труба? — спросила Елена.

— Кабельный канал проходит севернее. Полостей по инженерной съёмке нет.

На экране появилась третья отметка. Источник двигался в грунте со скоростью грузовика на малом ходу. Елена сразу вызвала посты и приказала отойти от насыпи. Девятую и десятую полосы закрывали бетонными блоками.

Алексей сохранил показания датчиков рядом с видео и журналом. Каждую улику отдельно можно было объяснить неисправностью, ошибкой разметки или старым следом. Вместе они образовывали маршрут от закрытого шлагбаума к дороге, которую ещё не построили.

Последний импульс возник на границе рабочей схемы и остановился там, где проектная линия обрывалась перед будущим соединением. Алексей увеличил журнал. Строка «полоса 0 — досмотр завершён» оставалась последней, а в графе водителя уже стояла фамилия Семёна Кириллова.

Глава 2. Репер, который ушёл

К шести утра ночной ветер стих, но теплее на площадке не стало. Над насыпью висел серый свет. Алексей вышел из контрольной кабины с полевым журналом под мышкой и сразу почувствовал, как за ночь затекла спина. Спать он не ложился. Строка, в которой Семён Кириллов числился водителем несуществующей машины, оставалась в журнале.

Две закрытые полосы перекрыли бетонными блоками. Люди из смены говорили тише обычного. После трёх часов ночи датчики больше не срабатывали, но на насыпь всё равно смотрели при каждом звуке с той стороны.

У геодезического репера уже ждал Паша. Он держал вежу и зевал так широко, что каска сползла на затылок.

— Свидетелем будешь, — сказал Алексей.

— Я думал, свидетелям дают стул и чай.

— Тебе дадут журнал.

— Значит, дело серьёзное.

Алексей поставил штатив и открыл футляр с прибором. Один комплект был рабочим, второй ночью привезли из Хабаровска. Если ошибка была в приборе, два комплекта должны были дать разные результаты.

Репер находился у края закрытого сектора. Ещё вечером металлическая головка выступала возле красной отметки на бетонной плите. Теперь знак торчал из уплотнённого песка на четыре метра восточнее. Старое место осталось целым. Там не было отверстия или свежего раствора.

Паша присел и потрогал металл перчаткой. Версию с выемкой Алексей отбросил сразу: ямы не было. Версию с новым знаком тоже исключили — номер и знакомая царапина от ковша совпадали. Подмена требовала слишком много подготовки.

Алексей установил отражатель, навёл прибор и велел Паше читать координаты вслух. Прибор показывал прежнюю точку возле бетонной плиты. Разница составляла четыре метра и восемь сантиметров.

Они переставили штатив и повторили измерение. Получилось то же самое. Второй прибор подтвердил прежнюю координату с расхождением в несколько миллиметров.

Паша встал на старую отметку и поднял вежу.

— Теперь меня измерь. Может, я тоже переехал.

Прибор показал его там, где он стоял.

— С тобой всё в порядке, — сказал Алексей.

— Жаль. Я хотел переселиться ближе к вагончику.

Алексей снял отражатель с репера и поставил на грунт рядом. Прибор правильно показал положение отражателя на грунте. Ошибка появлялась только на самом знаке.

Елена подошла со стороны штаба. Ночь она тоже провела на площадке, но выглядела так, будто успела выспаться.

— Нашли Семёна? — спросила она.

— Нет. Нашли репер не на своём месте.

— Он хотя бы не записался водителем?

— Пока нет.

Елена просмотрела измерения, сверила номер знака с карточкой и проверила версию о перемещении репера строительной техникой. Алексей показал чистый журнал движения и отсутствие деформации площадки. Горизонтальное смещение на четыре метра без разрушения он считал невозможным. Елена посоветовала после этой ночи осторожнее обращаться с таким словом.

Алексей попросил разрешение вскрыть участок вокруг репера, но Елена отказала до гидрологической проверки. Под насыпью проходили временные дренажи, а после дождя вода поднялась.

— Специалист уже едет, — сказала она. — Совместная группа направила Линь Юэ.

— Сейчас нам нужен инженер по грунтам.

— Он будет через час. Линь работала с моделью подземного стока.

— Репер не плавает.

— Семён тоже не должен проходить сквозь камеры. Дождись её.

Белый внедорожник остановился у штаба через двадцать минут. Из него вышла женщина в тёмной куртке, надела жёлтую каску и сама достала из багажника компактный кейс. Линь Юэ шла быстро. У закрытых полос она показала Елене пропуск, выслушала объяснение и сразу попросила показания гидропоста за последние сутки.

— Сначала репер, — сказал Алексей. — Здесь физическое смещение.

Линь посмотрела на знак, потом на старую отметку. Она уточнила, проверял ли Алексей знак двумя приборами и тремя опорными точками. Услышав, что сеть стабильна, спросила, зачем он продолжает съёмку. Алексей ответил, что исключает ошибку перед вскрытием. Линь по той же причине собиралась сначала исключить воду.

Она говорила по-русски свободно и уже подключала датчик к планшету. Алексей напомнил, что подземный поток не меняет координаты металлического знака. Линь ответила: вода меняет грунт, а вместе с ним — положение знака. Видимой деформации не было. Значит, обычное смещение не объясняло результат.

— Место не меняется по решению системы, — сказал Алексей.

Линь подняла взгляд.

— Вы уверены после строки про нулевую полосу?

Паша кашлянул и отвернулся. Из-за усталости Алексей ответил раньше, чем успел обдумать слова.

— Строка появилась в программе. Репер стоит в грунте.

— Поэтому надо проверить воду. Программа могла ошибиться отдельно, грунт — отдельно. Совпадение нужно доказать.

Она измерила влажность у старой отметки и возле репера. Разница была небольшой, но уровень воды под вторым участком был выше. Линь уточнила, одной ли партией делали подсыпку. Услышав подтверждение, предположила поток под насыпью или оставшуюся линзу воды.

Алексей открыл план дренажа. Ближайшая труба проходила севернее, и её выпуск ночью проверили. Линь попросила фактическую съёмку после монтажа.

Алексей напомнил, что Семён пропал шесть часов назад и полость под репером нужно искать сразу. Линь возразила: если край насыпи обрушится, искать станет труднее. Даже ручная выемка могла испортить исходное состояние. Просто лопате обычно доверяли больше, чем экскаватору.

Паша тихо сказал Елене:

— Кажется, теперь их двое.

— Работай, — ответила она.

Алексей закончил съёмку и оформил результат. В журнале Паша расписался с таким видом, будто подтверждал передачу квартиры. Линь добавила примечание о гидрологической проверке, но не стала оспаривать измерения.

— Физическое положение изменилось, — сказала она. — Приборная привязка осталась прежней. Это ваш факт. Мой факт пока внизу.

— Там песок и дренаж.

— Проверим, насколько они с этим согласны.

Временный гидропост стоял у канавы за насыпью. До него шли по грязному настилу. Паша понёс ящик для проб. Елена отправила с ними техника Мишу, а сама вернулась в штаб: пропажа Семёна уже дошла до руководства.

Линь проверила пломбу на шкафу и сняла показания. За ночь уровень в колодце поднялся на одиннадцать сантиметров, а в канаве — только на шесть. После трёх часов ночи разница продолжила расти, хотя дождь уже закончился.

Алексей посмотрел график. Два скачка совпадали по времени с импульсами датчиков под насыпью. Он попросил проверить сам прибор. Контрольный зонд подтвердил уровень.

У выпуска дренажной трубы вода текла слабо, хотя уклон требовал большего расхода. Миша снял решётку и запустил внутрь гибкий шуп. Труба была свободна.

Алексей предположил утечку в грунт до выпуска. Линь не исключала, что вода приходит в колодец с другой стороны. На схеме такого притока не было, но именно схемам она пока не доверяла.

Она попросила Пашу принести маркировочную ленту. Тот привязал её к гайке и опустил в канаву. Красная полоска легла по течению.

— Всё идёт куда должно, — сказал Алексей.

— Пока да.

Они прошли вдоль канавы к реперу. Вода здесь почти не двигалась. Линь присела, коснулась поверхности концом складной линейки и прислушалась.

— Что вы измеряете? — спросил Алексей.

— Задержку.

— Между чем?

— Между водой и звуком.

— Вода не обязана звучать по графику.

— Эта звучит.

Из трубы донёсся металлический удар. Через паузу он повторился трижды. Линь поднялась и попросила всех молчать.

Следующий удар пришёл снизу. Вода дрогнула. Красная лента развернулась поперёк потока, а гайка сдвинулась назад, к реперу.

— Ветер, — сказал Миша.

— Здесь его нет, — ответил Паша.

Лента снова потянулась против уклона. Вода не поднялась. Она просто изменила направление на узком участке.

Алексей шагнул в канаву и остановил гайку ботинком. Уклон не изменился. Через несколько секунд течение вернулось к выпуску.

— Повторим, — сказал он.

— С новой лентой, — добавила Линь. — Эту в пакет.

— Зачем?

— На ней песок с участка обратного движения.

— Обычный песок.

— Анализ подтвердит, что я зря потратила пакет.

Паша протянул ей сразу два.

— Берите. День только начался, а вода уже передумала.

При повторе вода везде шла по уклону. Обратное движение продолжалось меньше десяти секунд.

Линь взяла две пробы и одну отдала Мише под подпись. Она тоже не доверяла единственной фиксации.

Проверка контрольных марок исключила просадку. Журнал и грунт исключали проезд техники. Значит, репер перенесли не обычным способом. Линь согласилась только с тем, что обычный способ они не нашли.

— Вы всегда оставляете запас? — спросил он.

— Вода оставляет. Я у неё научилась.

Из трубы снова пришёл удар. Линь подняла ладонь. Следующие звуки сложились в знакомый ритм: три коротких, пауза, один. Так работал привод шлагбаума во время теста.

— Это может быть вибрация от генератора, — сказал Алексей.

— Генератор работает непрерывно. Звук начинается после изменения уровня.

Она приложила к стенке колодца контактный микрофон. На планшете появилась дорожка с четырьмя пиками.

— У вас есть запись шлагбаума? — спросила Линь.

Алексей вызвал Пашу по рации и попросил провести тестовый цикл на первой полосе. Через минуту в динамике планшета прозвучали три щелчка и удар. Линь наложила записи. Интервалы почти совпали.

Миша спросил, воспроизводит ли труба звук привода. Линь поправила: пока совпадал только ритм, а причина оставалась неизвестной.

Алексей посмотрел на насыпь. Под ней не было механизма, связанного со шлагбаумом. Кабель управления заканчивался у контрольной стойки.

— Возвращаемся к реперу, — сказал он. — Нужна общая привязка гидропоста и места звука.

— И российская схема сопряжения дороги, — добавила Линь. — Китайскую мне передали утром.

В штабе Алексей развернул российскую схему и наложил плёнку с фактической съёмкой. Линь открыла схему сопряжения со стороны Хэйсяцзыдао.

Елена подключилась по видеосвязи из соседнего кабинета.

— Дайте вывод без мистики и без слов, которые нельзя внести в акт, — сказала она.

Алексей сообщил, что смещение подтверждено двумя приборами, сеть не нарушена, а просадка не выявлена. Линь добавила, что уровень под насыпью не соответствует расходу в дренаже и один раз вода пошла против уклона. Причину они не установили.

Елена предложила записать это как локальное изменение направления. Линь согласилась, заметив, что от формулировки вода послушнее не станет.

— Пишите так. Что дальше? — спросила Елена.

Алексей запросил ручную контрольную выемку у репера с креплением стенок. Линь потребовала сначала отобрать воду. Он считал, что пробы могут подождать десять минут; она напомнила, что после вскрытия вода смешается с поверхностной, и исходное состояние исчезнет.

— За десять минут человек под насыпью может погибнуть, — сказал Алексей.

Линь посмотрела на него без раздражения.

— Если Семён там, нам нужен путь к нему. Если вы уничтожите следы пути, быстрее не станет.

Елена постучала пальцем по столу.

— Вскрытие без совместной записи я не согласую. Решайте на месте.

Связь оборвалась. Алексей совместил опорные точки. Российская схема заканчивалась у проектной линии, китайская начиналась с другой стороны и имела собственную рабочую сетку. Между ними оставался участок, который должны были уточнить перед соединением дорог.

Линь вывела репер на общий слой. Физическое положение появилось внутри российской части. Алексей ввёл координату, которую показывали приборы. Маркер ушёл к старому месту.

Линь указала на два положения: физическое и приборное. Первое подтверждали расстояния от соседних объектов, второе — архивная карточка.

Она включила китайскую сетку. Физическое положение репера исчезло. Программа сообщила, что точка находится вне допустимой области.

— Ошибка преобразования, — сказал Алексей.

Он проверил параметры и повторил расчёт. Результат не изменился. Тогда Линь построила точку напрямую по расстояниям от двух опор. На совмещённой схеме точка попадала между сетками, хотя на местности соответствующий участок лежал западнее.

Внутри каждой модели расчёт сходился, но вместе они оставляли место без принадлежности. Алексей сразу отделил эту ошибку от реальной линии государственной границы. Линь согласилась: речь шла только о координатных сетках.

Государственная граница оставалась неизменной. Ошибка возникала при описании точки. Но физический знак стоял на российской площадке, а его координата не входила в российскую сетку и не преобразовывалась в китайскую.

Снизу пришёл удар. Стол дрогнул, чашка поехала по схеме. Алексей успел поймать её.

— Хотя эта граница удержалась, — сказал Паша от двери.

Второй удар был сильнее. На экране планшета Линь уровень гидропоста резко поднялся. Алексей включил прибор у окна и навёл его на репер через открытую дверь.

Высотная отметка изменилась. Вместо поверхности насыпи экран показал значение почти на два метра ниже. Через секунду прибор снова выдал прежнюю высоту, но скачок сохранился в журнале.

— Что там? — спросила Линь.

— Отметка дорожного полотна. Только по проекту наша дорога должна быть выше.

Он открыл продольный профиль: отметка не совпадала ни с российской, ни с китайской дорогой. Похожая отметка была у временного технологического проезда, который заканчивался у шлагбаума.

Из-под насыпи пришла новая серия ударов. Звук сместился к западу. Алексей вышел к реперу. Грунт не двигался. В канаве вода пошла быстрее и вынесла красный кусок ленты, оставленный при первом замере. Лента доплыла до знака и зацепилась за металлическую головку.

— Теперь вскрываем, — сказал Алексей.

— После отбора, — ответила Линь.

— Пять минут.

— Семь. Две глубины и отдельные пакеты для грунта.

— Шесть.

— Согласна. При условии совместной записи.

Алексей посмотрел на репер. Оба прибора по-прежнему показывали старую координату.

— Вскрытие ведём от двух независимых опор. Ни знак, ни его карточку за исходную точку не берём.

Линь впервые за утро улыбнулась.

— Значит, прибор не всегда последний судья?

— Сегодня он свидетель с сомнительной биографией.

Они оформили задание и отправили Елене техническое заключение. Результатов измерений, данных о воде и зафиксированного несовпадения сеток хватало, чтобы разрешить ручное вскрытие.

Перед выходом Алексей снова наложил обе схемы. Маркер репера появился между ними и мигнул. Программа не присвоила ему ни российский, ни китайский идентификатор. В служебном поле стояла фраза: «точка отсутствует».

На площадке эта точка находилась в шести шагах от двери и была отмечена красной лентой.

Глава 3. Паспорт с двумя датами

К вагончику Семёна Линь Юэ подошла вместе с Еленой. За их спинами подгоняли машину для ручного вскрытия насыпи, хотя Алексей обещал начать только после отбора проб. На площадке обещания быстро отменяли новыми распоряжениями. Стоило привезти лопату, и кто-нибудь уже считал работу согласованной.

У двери собрались трое рабочих. Паша держал связку ключей и объяснял, что Семён запирает вагончик даже во время обеда, потому что однажды у него пропала банка тушёнки.

— Нашли потом? — спросила Линь.

— Банку нашли. Вопрос доверия — нет.

Елена забрала ключи.

— Осмотр проводим при двух свидетелях. Ничего не перекладывать без описи.

— Мы только хотели посмотреть, нет ли записки, — сказал Паша.

— Записка от этого никуда не уйдёт.

— После этой ночи я бы не обещал.

Елена посмотрела на него, и Паша отступил от двери. Линь выбрала свидетелями Пашу и техника Мишу: оба работали с Семёном в последнюю смену и могли отличить его вещи от чужих. Алексей остался у репера. По рации он сообщил о задержке до оформления задания. По тону было ясно: документы его злили.

В вагончике пахло рабочей одеждой, кофе и яблоками. На стене висел календарь с рыбалкой, на столе стоял чайник, в углу сушились сапоги. Линь включила нагрудную камеру и назвала время начала осмотра.

— Сначала открытые поверхности. Потом шкаф. Карманы проверяем после фиксации одежды.

Паша переступил с ноги на ногу.

— А если там личное?

— Тогда личное так и запишем.

— Семён бы оценил. Он даже список покупок называл коммерческой тайной.

На столе лежал блокнот с учётом расхода крепежа. Последняя запись была сделана вечером: Семён отметил замену лампы у десятой полосы и нарисовал рядом недовольное лицо. Под ним приписал: «Светит в небо, дорогу не видит».

— Лампу меняли? — спросила Елена.

Миша кивнул.

— Вчера после семи. Семён сам принимал. Потом ругался, что стойку поставили для перелётных птиц.

Запись подтверждала, что до ночного обхода Семён находился на площадке и занимался обычной работой. Ничего о странном звуке он не оставил.

Елена открыла шкаф. На крючках висели две куртки. Одна чистая, вторая — с засохшей глиной по низу. Паша указал на вторую.

— Вчера он был в этой. Потом переоделся перед обходом, потому что молнию закусало.

Линь сняла куртку и положила на стол. В карманах нашли карандаш, ведомость и маленькую отвёртку.

— Это всё его, — сказал Паша. — Отвёртку он искал с понедельника.

— Хорошая новость, — заметила Елена. — Одну пропажу закрыли.

Во внутреннем кармане пальцы Линь нащупали плоский предмет. Она раздвинула ткань и увидела тёмную обложку паспорта. Документ лежал глубоко, почти у подкладки.

— У Семёна паспорт с собой? — спросила она.

— Обычно оригинал в городке держал, — ответил Паша. — И этот карман у него порванный был.

Разрыва Линь не нашла. Подкладка и шов оставались целыми. Она сфотографировала карман, достала документ щипцами и положила на чистый лист.

Обложка оставалась холодной и сухой, хотя страницы слиплись от влаги.

— Его намочили и вытерли? — спросил Миша.

— Тогда края повело бы.

Линь подложила салфетку и разделила страницы пластиковой лопаткой. Внутри пахло речным илом. На стол упала капля, хотя обложка по-прежнему оставалась сухой.

— Это не паспорт Семёна, — сказал Паша. — Фотография чужая.

На снимке был мужчина лет сорока с короткими волосами. Некоторые черты расплылись. Фамилия начиналась с «Н», две следующие буквы сливались.

Линь проверила номер. Формат выглядел правдоподобно, но расположение цифр не совпадало со знакомыми сериями. Она не стала делать вывод до проверки.

На странице с отметками первая дата была 14 октября 2008 года. В поле направления стояло «въезд», но пункт отправления отсутствовал. Ниже находилась отметка о выезде — 17 июня 2028 года.

Паша прочитал дату вслух.

— Мы уже в будущем или ещё готовимся?

— На стройке обычно и то, и другое, — сказала Елена.

Штемпель не копировал реальный образец конкретной службы. Он был собран так, чтобы выглядеть знакомо: рамка, дата, направление, номер операции. В обозначении пункта стояло одно слово — «берег».

— Какой берег? — спросил Миша.

— В этом и проблема, — ответила Линь.

На следующей странице повторялось слово «принят», а рядом стояла подпись из двух пересекающихся линий. Чернила не расплылись. Бумага вокруг них оставалась влажной.

Елена записала номер находки в опись.

— Паспорт отдельно, — сказала Линь. — Он не должен лежать вместе с вещами Семёна.

— Почему?

— Мы не знаем, принадлежит ли он человеку. И не знаем, как он попал в закрытый карман.

Паша поднял руку, будто находился на собрании.

— Можно записать, что отвёртка Семёну принадлежит точно? А то приедет и опять начнёт искать.

— Запишем, — сказала Елена. — Но отдавать будем после проверки личности.

Они закончили осмотр без новых находок. Линь закрыла паспорт между прозрачными пластинами и поместила во временный контейнер.

У двери Алексей встретил их взглядом.

— Нашли маршрут?

— Нашли документ, который не должен быть в вагончике, — ответила Линь.

— Семёна?

— Нет.

Он сразу посмотрел на контейнер. Линь показала первую страницу через пластик. Алексей задержал взгляд на фотографии, но его лицо осталось спокойным.

— Плохая печать, — сказал он.

— Или плохой человек, — отозвался Паша. — В смысле, плохо напечатанный.

Елена отправила его к полосам. Линь назвала даты. Алексей нахмурился при упоминании 2008 года, но спросил только о номере и признаках подделки.

— В штабе проверим, — сказала она. — Оригинал пока не сканируем напрямую.

— Тогда делайте две копии.

— Именно это я и собиралась сделать.

Алексей кивнул и вернулся к насыпи. Он ни разу не спросил, чьё лицо появилось на фотографии. Линь запомнила это.

Во временном штабе Елена освободила отдельный стол. Линь установила камеру над документом и сделала снимки без обработки. Один комплект сохранила на изолированный накопитель, второй передала Елене.

На связь вышел Чэнь Жуй. Он сидел в техническом помещении на китайской стороне и держал кружку с надписью по-русски: «Самый спокойный инженер». Надпись выглядела неправдоподобнее найденного паспорта.

Чэнь принял защищённую копию, уточнил место находки и обе даты. Узнав, что паспорт лежал в закрытом вагончике пропавшего мастера, он перестал шутить и попросил сначала проверить структуру номера, не называя документ настоящим или поддельным.

Елена подключила специалиста российской смены. Он подтвердил, что номер не соответствует действующему формату. При этом отдельные группы цифр встречались в архивных массивах и тестовых таблицах будущего пункта.

Линь попросила проверить каждую часть. Первая пара совпала с кодом архивной операции 2008 года. Средняя группа повторяла номер проектного пакета на 2028 год. Последние цифры входили в тестовую карточку обмена данными.

Алексей предложил версию тестовой заготовки, собранной из доступных массивов. Чэнь возразил: заготовка должна наследовать один шаблон, тогда как паспорт сочетал элементы разных систем. Линь зафиксировала более узкий вывод — документ был собран, но способ сборки требовал доступа к обоим источникам.

Елена проверила журнал. За последние сутки обращений к архиву не было. Проектный пакет 2028 года загрузили в локальную систему в три часа семнадцать, уже после исчезновения Семёна. На видеозаписи осмотра отметка будущего выезда существовала раньше загрузки шаблона.

— Часы на камере верные? — спросил Алексей.

— Синхронизированы с двумя устройствами, — ответила Линь.

— Значит, пакет существовал в другом месте.

— Существовал. Но номер операции утвердили только ночью.

Чэнь вывел таблицу совпадений. Каждая часть номера имела источник, но целиком такая последовательность нигде не встречалась. Российский журнал её не принимал. Китайская система тоже отвергала.

— Посмотрите нижний правый угол, — сказал Чэнь.

Линь увеличила страницу. Там стоял знак, похожий на две скобки с пустым местом между ними. Ни один специалист его не узнал.

— Может быть обозначение совместной группы? — спросила Елена.

— У совместной группы нет собственной системы допуска, — ответила Линь. — Каждая сторона подтверждает свою часть отдельно.

Алексей провёл пальцем по краю стола.

— Тогда знак придумал изготовитель.

— Для кого?

— Для себя.

— Так адресация не работает.

— Поддельные паспорта вообще работают плохо.

Линь посмотрела на него. Он держался за версию сильнее, чем позволяли данные. Ему было важно оставить документ человеческой подделкой. Она вспомнила его взгляд у вагончика.

Чэнь открыл сравнение отметок. Дата 2008 года была набрана шрифтом из старого массива, дата 2028 года — новым. При этом обе отметки были нанесены на один влажный лист.

— Оригинал нужен в лабораторию, — сказал российский специалист.

— После первичной фиксации и только с актом передачи, — ответила Линь.

— Вы мне не доверяете?

— Я не доверяю перемещению единственного документа.

Елена поддержала её. Оригинал решили оставить на площадке до прибытия двух специалистов. Линь внесла в акт состояние обложки и каждой страницы. Влажность измерили бесконтактным датчиком, затем контейнер поставили в отдельный металлический шкаф, рядом с которым не было подключённого оборудования. Елена назначила охрану у двери и запретила выносить документ даже в соседний модуль без её подписи.

— Теперь он охраняется лучше, чем половина оборудования, — заметил Алексей.

— Оборудование не меняет дату выезда, пока на него смотрят, — ответила Линь.

Он хотел возразить, но взглянул на закрытый контейнер и промолчал. Линь отметила и это: Неверов оспаривал все версии, кроме той, которую боялся назвать.

Она создала текстовое описание каждой страницы. Изображение и наблюдения хранились отдельно, чтобы программа не исправила неизвестный знак.

— Зачем так сложно? — спросил Алексей.

— Если распознавание заменит символ, мы получим удобный документ, которого не было.

— А человек ошибётся в описании?

— Поэтому описаний два.

Чэнь улыбнулся.

— Видишь, Неверов? В мире есть вещи страшнее воды. Например, независимая проверка.

— Я уже заметил.

Сеанс связи завершили после передачи контрольных сумм файлов. Елена ушла согласовывать охрану вагончика. Алексей задержался у стола.

— Можно посмотреть оригинал?

Линь надела перчатки и открыла контейнер. Бумага стала суше, но между страницами всё ещё проступала влага. Фотография мужчины выглядела резче. Лицо помолодело: исчезли складки у рта, подбородок стал уже.

— На первом снимке он был старше, — сказала Линь.

— Влага меняет изображение.

— Тогда менялись бы края и фон.

Алексей наклонился и опёрся рукой о стол; на фотографии дрогнула тень. Мужчина теперь смотрел прямо, хотя раньше взгляд был направлен в сторону.

Линь включила запись.

— Отойдите, пожалуйста.

— Зачем?

— Проверка.

Он отступил. Через несколько секунд черты расплылись. Линь позвала Елену. При ней изображение не изменилось. Миша заглянул, чтобы получить подпись, и тоже не вызвал реакции.

— Теперь снова подойдите, — сказала Линь Алексею.

— Вы считаете, паспорт реагирует на людей?

— Я проверяю наблюдение.

— На одном случае?

— Уже на втором.

Он встал у стола. Лицо проявилось медленнее, но стало яснее прежнего. У молодого мужчины были светлые глаза, высокий лоб и небольшой шрам у правой брови. Алексей резко выпрямился.

— Закройте документ.

— Вы его узнали?

— Нет уверенности.

— Тогда зачем закрывать?

— Изображение нестабильно. Это может влиять на восприятие.

Линь перевела камеру на непрерывную запись и попросила назвать только видимые признаки. Алексей перечислил форму лица и шрам, однако имя не произнёс.

— На кого он похож? — спросила она.

— На человека, которого я знал.

— Семён его знал?

— Не знаю.

— Это ваш родственник?

Алексей посмотрел на дверь. За стеной завёлся погрузчик. Вибрация прошла по вагончику, но изображение осталось чётким.

— Я сказал, что не уверен.

— Нет. Вы сказали, что знали его.

Он потянулся к пластинам, но Линь закрыла контейнер раньше.

— Оригинал остаётся у меня до передачи.

— Его нужно изолировать.

— Он уже изолирован.

— От людей тоже.

— Особенно от тех, кто узнаёт фотографию и не называет имя?

Алексей отвёл руку. Линь не хотела превращать разговор в допрос. Он работал без сна и отвечал за поиск Семёна, но усталость не объясняла попытку спрятать улику.

— Фамилия начинается с «Н», — сказала она. — Вы тоже Неверов.

— Таких фамилий достаточно.

— Шрам у правой брови вам знаком?

Он посмотрел на фотографию через пластик.

— Да.

— Имя?

— Пока нет.

— Почему?

— Ошибочное имя закрепится в отчётах. Потом его будут повторять все.

— Правильное имя тоже важно.

— Когда буду уверен, скажу.

Линь записала: «Изображение изменилось в присутствии Алексея Неверова. Он подтвердил личное сходство, имя не сообщил». Алексей прочитал запись через её плечо.

— Это останется в рабочем журнале?

— Да.

— Елена увидит?

— Она отвечает за безопасность.

— Китайская сторона?

— Получит описание изменения без вашей личной версии. Пока она не названа.

Он кивнул. Это было не согласие, а признание её права вести запись.

В закрытом контейнере фотография продолжала меняться. Черты молодого мужчины проступили полностью. Под снимком проявились две буквы имени — «Ро».

Алексей увидел их одновременно с ней.

— Роман, — сказал он.

Слово прозвучало тихо, но камера его записала. Линь повернулась к нему.

— Роман Неверов?

Он не ответил. По тому, как он смотрел на документ, подтверждение больше не требовалось.

Линь поместила контейнер в сейф-пакет, закрыла его, указала время и расписалась на контрольной полосе. Вторую подпись поставила Елена, вернувшаяся в штаб. Алексей отошёл от стола, и изображение начало тускнеть, но лицо уже не исчезло.

На фотографии остался Роман Неверов таким, каким Алексей помнил его до гибели.

Глава 4. Дорога под песком

Через два часа после находки паспорта участок у смещённого репера огородили второй лентой. Первую вода успела вернуть к металлической головке, и теперь красный обрывок лежал в пакете у Линь Юэ вместе с пробой песка. Алексей молча согласился. После ночной смены ему было проще принять то, что можно зафиксировать и убрать в шкаф.

С фотографией Романа было сложнее. Линь передала Елене запись разговора, но не обсуждала её при бригаде. Имя брата теперь стояло в рабочем журнале рядом с паспортом, в котором въезд датировали 2008 годом, а выезд — 2028-м. Алексей не видел способа объяснить это без признания, что документ менял лицо в его присутствии.

На площадку привезли георадар и малую буровую установку. Алексей разметил безопасный сектор от двух независимых опор, исключив смещённый репер. Людей отвели за ограждение. Рядом остались оператор, Миша и двое рабочих со страховочными поясами.

— Ближе к откосу никто не подходит, — сказал Алексей. — Если начнётся просадка, отходите к проезду. Инструмент оставляете.

Паша поднял лопату.

— Даже казённый?

— Особенно казённый. За него потом отчитаешься, а за себя придётся дольше.

— Семён говорил наоборот.

— Семёна сейчас ищем. Его правила временно не действуют.

Паша опустил лопату и посмотрел на насыпь.

Перед началом Алексей ещё раз обошёл с Пашей границу сектора. На песке сохранилась дуга от колеса ночного самосвала, но возле репера след обрывался. Он поставил две дополнительные вехи и велел никому не пользоваться самим знаком как опорой.

— Репер теперь подозреваемый? — спросил Паша.

— Свидетель, который сменил адрес.

— Тогда я его понимаю. Здесь ветер, вода и начальство.

— Не сочувствуй металлу. Держи ленту.

Линь поставила у канавы переносной датчик уровня. Она требовала фиксировать воду одновременно с бурением. Алексей считал это лишней задержкой, но после утреннего обратного течения возражать не стал.

Первый проход георадара показал слои уплотнённого песка. При втором проходе под участком репера возник разрыв, похожий на полость. Оператор повторил линию, и разрыв исчез. Поперечный профиль дал плотный грунт. Через минуту на том же месте появилась ровная граница.

— В проекте плиты здесь нет, — сказал Миша.

— Поэтому и бурим.

Первую скважину заложили в двух метрах от репера. Бур вошёл в песок без сопротивления. На глубине полутора метров оператор остановился.

— Давление пропало. Будто вышел в пустоту.

Алексей проверил глубину. До основания насыпи оставалось больше двух метров.

— Подними на двадцать сантиметров.

Выше давление восстановилось, но ниже бур опять вышел в пустоту, и его извлекли. На режущей части остался чёрный материал с запахом битума.

— Асфальт? — спросил Миша.

— Пока крошка.

— Под песком?

— Поэтому пока крошка.

Во вторую скважину опустили камеру. На мониторе мелькнули влажные стенки, затем зонд вышел в открытое пространство.

Под ним лежал мокрый асфальт.

Белая дорожная линия уходила вправо. Вода покрывала полотно на несколько сантиметров и двигалась вдоль разметки. Дальше горел красный сигнал светофора. Свет отражался в воде, хотя кабелей камера не показывала.

Оператор проверил длину троса.

— Глубина — два метра шестьдесят сантиметров.

— Насыпь здесь четыре с половиной метра, — сказал Алексей.

— Я знаю.

Он повернул зонд. Асфальт продолжался. У края виднелся бордюр, за ним стояла вода. Стены полости в кадр не попали.

Линь подошла к экрану.

— Поток идёт на запад.

— Уклон определить можешь?

— По видео нет. Но это не замкнутая полость.

— Тогда должен быть выход.

— Или другой приток.

Камеру подняли на полметра, и асфальт исчез. Экран снова заполнился изображением песка.

Рация Алексея ожила. Елена сообщила, что к ним едет Аркадий Левин, куратор «Контура-Восток». Компания предоставляла стройке технику и резервное питание.

— Зачем он здесь? — спросил Алексей.

— Узнал об остановке. Покажи только проверенное.

Левин приехал один. У ограждения надел каску и первым делом спросил, где пропал Семён. Алексей показал место исчезновения и видеозапись из скважины. Левин задержал взгляд на мокром полотне.

— Вы уверены, что камера не вышла в старую конструкцию?

— Старых дорог здесь не было.

— Временный проезд периода изысканий?

— Он проходил в другом месте. И не мог сохраниться целым под насыпью.

Левин попросил повторить запись. Когда появился светофор, он сжал край стола, но сразу убрал руку.

— Сигнал мог попасть в кадр отражением.

— От какого источника? — спросила Линь.

— Проектор, маяк, оптика камеры.

— Красный свет остаётся на месте при повороте зонда.

Левин посмотрел на неё.

— Вы гидролог?

— Линь Юэ, совместная техническая группа.

— Тогда вы понимаете, что вода в основании опаснее странного изображения. Сколько времени нужно исключить размыв?

— Несколько часов.

— Несколько часов я могу дать. Несколько дней — нет.

Алексей убрал монитор под навес.

— Тяжёлые работы на двух полосах остановлены. Осмотр продолжим.

— Ваша задача найти физическую полость, а не исследовать светофор.

— Моя задача не положить на эту полость буровую и людей.

Левин не стал требовать немедленного продолжения. Он предложил боковую камеру и комплект креплений, которые обещал доставить за сорок минут.

— Вы возите такое с собой? — спросил Паша.

— Полезная привычка — держать нужную технику наготове до аварии.

— У нас обычно сначала причина, потом три совещания.

Левин усмехнулся и отошёл звонить. Алексей отметил, что о паспорте тот не спросил.

Следующая скважина снова вывела камеру к асфальту, но белая линия шла под другим углом. Алексей наложил направления на схему. Если верить изображению, дорога поворачивала слишком резко. Обе точки при этом лежали на линии от шлагбаума к месту, где ночью остановилась цепочка импульсов датчиков.

— Между скважинами шесть метров, — сказал он. — По дороге выходит почти десять. Линь взглянула на него.

— Как между камерами в ночь исчезновения Семёна.

— Похоже.

Она пустила в поток метку и засекала скорость. Через полминуты метка исчезла, а датчик у гидропоста показал краткий подъём.

— Связь есть, — сказала Линь. — Но путь воды не совпадает с дренажом.

— Значит, ищем полость дальше.

— После бурения каждой скважины вода меняет направление. Возможно, мы не открываем готовую полость, а даём ей новый выход.

— Ты считаешь, дорога появляется из-за камеры?

— Я считаю, данные меняются после нашего действия. Этого достаточно, чтобы не бурить вслепую.

Левин вернулся к столу.

— Продолжайте по утверждённой схеме. До вечера мне нужен вывод, можно ли вернуть технику на соседние полосы.

— Схема уже не соответствует результату, — сказала Линь.

— Тогда уточните её.

— Пока ответ отрицательный, — сказал Алексей.

— Зафиксируйте причину. Я приму это официально.

Левин ушёл к машине. Паша проводил его взглядом.

— Вежливый.

— Это тебя расстроило? — спросил Миша.

— С грубыми проще. Сразу знаешь, где каска понадобится.

Алексей назначил контрольное расширение первой скважины, чтобы получить образец твёрдого слоя. Линь потребовала поставить датчик у края насыпи. Он согласился, но работы не отменил.

Установку запустили на малой скорости. Песок под опорной плитой дрожал. Камера показывала мокрую разметку, красный сигнал горел без мигания.

На глубине двух метров буровая качнулась.

— Стоп! — крикнул Алексей.

Оператор отпустил подачу, но край насыпи уже просел. Под правой опорой треснул верхний слой. Металлическая плита ушла вниз и накренилась.

Миша успел отскочить. Двое рабочих, крепивших обсадную трубу, остались на плите по другую сторону трещины. Между ними и проездом открылся провал шириной около метра. Песок продолжал осыпаться.

— Не двигаться! — приказал Алексей. — Страховку держите натянутой.

Игорь прижал к груди трос. Пояс Димы ещё не был соединён с общей линией.

— Я перепрыгну, — сказал Дима.

— Останься на месте.

— Плита уходит.

— Прыгнешь — уйдёт быстрее.

Линь потянула запасной канат к стойке навеса.

— Эту опору нельзя, — сказал Алексей. — Она на той же насыпи.

Он выбрал бетонный блок у проезда и закрепил канат. Паша подогнал погрузчик, но Алексей остановил его в стороне: вибрация могла расширить провал.

На мониторе дорога уходила под уклон, которого на поверхности не было. Течение ускорилося.

— Уровень растёт, — сказала Линь.

— Перекрой подачу в скважину.

— Там нет подачи.

Плита просела. Игорь упал на колено, Дима ухватился за раму буровой.

Алексей бросил ему конец каната.

— Карабин на пояс.

— Не достаю.

— Прижми конец ногой и подтяни без рывка.

Дима выполнил команду. Песок ушёл из-под сапога, но плита выдержала.

— Игорь идёт первым. Перенеси вес на канат до шага.

— А если край обвалится?

— Поэтому сначала канат.

Линь и Паша выбрали слабинку. Алексей лёг на безопасную плиту со стороны проезда. Игорь дошёл до края, и Алексей вытянул его через трещину.

Дима остался у буровой. Рама медленно наклонялась к провалу.

— Отойди от стойки, — сказал Алексей.

— Установка упадёт.

— Пусть.

— Она новая.

— Тем более не успела к тебе привязаться.

Дима отпустил раму. Он дошёл до края, но плита опустилась ещё на несколько сантиметров. Рабочий потерял опору и повис на поясе.

Канат дёрнул Линь вперёд. Она упёрлась ногами в грунт и удержала линию. Алексей перехватил канат, Паша добавил натяжение. Диму вытащили на проезд.

Буровая накренилась, но осталась на краю. Елена прибежала вместе с медиком. У Игоря была разбита ладонь, Дима получил ушиб бедра.

— Кто разрешил расширение? — спросила Елена.

— Я.

— Участок закрыть полностью. Людей вывести.

— Сначала заберём камеру.

— Железо подождёт. Насыпь уже высказалась о нашем графике.

Левин подошёл к ограждению и предложил тягач для буровой. Елена приняла помощь, но отказалась возобновлять работы.

Пошёл мелкий дождь. Алексей обходил край провала и ставил временные метки. На мониторе камера всё ещё показывала дорогу. Красный сигнал светофора сменился зелёным.

На другой стороне провала стоял молодой мужчина.

Он появился там, где дождь прибивал пыль к откосу. Светлая рубашка прилипла к плечам, волосы были мокрыми. Лица Алексей почти не различал, но узнал шрам у правой брови.

Роман поднял руку и указал вдоль дороги, к насыпи.

— Алексей! — позвала Линь.

Он моргнул. На месте мужчины осталась полоса дождя. Стоявший рядом Паша смотрел на откос.

— Там что было? — спросил Алексей.

— Отражение от жилета. Наверное.

Линь смотрела на Алексея.

— Кого вы увидели?

— Никого.

— Вы шагнули к провалу.

Алексей опустил взгляд. Его ботинок стоял за временной меткой.

— Проверял осадку.

— Без страховки?

— Больше не буду.

Она не поверила, но спорить при рабочих не стала.

Тягач выровнял буровую и оттащил её к проезду. Бригада извлекла обсадную трубу с без-опасной стороны. В нижней части застрял кусок чёрного покрытия размером с ладонь. Поверх-ность блестела от воды.

— Асфальт, — сказал Миша. — Теперь уже не крошка.

Елена велела упаковать образец. Алексей взял его щипцами, но пакет оказался узким. Кусок выскользнул на металлический стол, и Алексей придержал его ладонью через перчатку.

Холод прошёл через ткань мгновенно.

Шум площадки исчез. Перед ним стоял закрытый шлагбаум. Семён шёл со стороны кон-трольной кабины и говорил в рацию, что перед ним чисто. Камера на стойке повернулась вслед за ним, хотя в реальности была неподвижной.

Семён нагнулся и поднял с асфальта чёрный металлический знак. Вода выступила из-под белой линии, закрыла подошвы и поднялась до колен. Семён отступил, но дорога под ним пошла вниз.

Шлагбаум остался наверху.

Семён обернулся. За его спиной загорелся зелёный сигнал, и дорога ушла под воду вместе с ним.

Алексей попытался шагнуть следом, но не почувствовал ног.

— Алексей Неверов!

Голос Линь вернул площадку. Он стоял у стола и сжимал мокрый асфальт обеими руками.

— Отпустите, — сказала она.

Он разжал пальцы.

— Сколько времени?

— Несколько секунд. Что вы увидели?

— Семёна у шлагбаума. Он поднял предмет. Потом дорога ушла под воду.

— Это была запись камеры?

— Нет. Я смотрел со стороны дороги.

Линь накрыла образец прозрачной ёмкостью.

— Вы касались репера?

— Нет.

— Паспорта?

— Два часа назад.

— Имя Семёна произносили?

— Сейчас.

Она записала ответы. Алексей хотел спросить, зачем, но вдруг понял, что не может вспомнить дорогу к дому, где вырос.

Адрес он знал. Помнил двор и окно кухни. Но после магазина нужно было повернуть, а направление исчезло. В памяти осталась развилка с двумя одинаковыми улицами.

Он попробовал восстановить путь по частям. От остановки шёл вдоль забора, потом мимо старого киоска. Киоск помнился, даже облупленная синяя дверь оставалась на месте. Дальше память обрывалась. Алексей мог назвать улицы по карте, но не понимал, какая из них когда-то вела домой без подсказки.

Он открыл карту в телефоне. Маршрут появился сразу. Названия были знакомыми, но чувство дороги не вернулось.

— Вам плохо? — спросила Линь.

— Не спал.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он убрал телефон. Рассказывать об утрате не собирался. Семёна ещё можно было найти, а забытый поворот казался небольшой платой за первую подсказку о его пути.

Елена закрыла участок до отдельного решения. Левин предоставил контейнер для образца и машину для специалистов. Он снова оказался полезен раньше, чем его просили.

Старый рабочий Николай Петрович долго смотрел на чёрный кусок под прозрачной крышкой.

— Покажите Климову, — сказал он Алексею.

— Какому Климову?

— Григорию Платоновичу. Раньше по Амуру ходил, потом карты собирал. Он такие находки не любит, зато знает, почему их нельзя выбрасывать.

— Асфальт он тоже собирает?

— После паводка собирал вещи похуже.

Елена разрешила передать Климову только копию записи и малую часть образца после описи. Основной фрагмент оставался у неё.

Алексей оформил остановку работ. Подписывая акт, он понимал, что отвечает за простой техники и провал у буровой. Левин поставил рядом свою отметку.

— Вы сделали правильный выбор, — сказал он.

— Какой именно?

— Вы сначала вывели людей и только потом занялись техникой. Многие делают наоборот — защищают график, а травмы объясняют позже.

— Вы слишком спокойно приняли дорогу под насыпью.

Левин задержал ручку над бумагой.

— Я спокойно принимаю только то, что уже произошло. На объяснения времени будет больше.

— Вы раньше видели такое?

— Асфальт под грунтом — видел. Светофор без питания — нет.

Он ответил точно, но не полностью. Алексей это запомнил.

Перед упаковкой Линь осветила образец сбоку. На мокрой поверхности проступила белая краска. Сначала показался угол, затем дорожная стрелка. Она указывала вправо, хотя фрагмент извлекли из участка прямой разметки.

Под стрелкой проявилась цифра десять.

Алексей сравнил её с изображением камеры. Под песком дорога уходила к месту, где приборы находили отсутствующую точку.

Он закрыл контейнер и поставил подпись на пломбе. На асфальте проступила стрелка с цифрой десять — к полосе, которая ещё не существовала.

Глава 5. Карта без середины

К вечеру дождь добрался до Хабаровска. На мосту через Амурскую протоку машины шли медленно, и Алексей успел несколько раз проверить адрес Григория Климова, хотя навигатор показывал один и тот же дом. После прикосновения к асфальту под насыпью он больше не доверял ощущению дороги. Карта в телефоне вела правильно, но знакомые повороты выглядели чужими.

Образец остался у Елены. Малый фрагмент поместили в отдельный контейнер, опечатали и записали время передачи. Алексей вёз его на заднем сиденье, пристегнув ремнём. При каждом торможении коробка упиралась в спинку кресла. Он дважды проверил ремень.

Дом Климова стоял недалеко от набережной, во дворе с узким проездом. Алексей дважды объехал квартал и только потом увидел нужную арку. Он понимал, что пропустил её не из-за темноты. Раньше одного взгляда на схему хватило бы, чтобы удержать весь маршрут. Теперь отдельные улицы существовали, а связь между ними приходилось строить заново.

На пятом этаже дверь открыл высокий пожилой мужчина в шерстяном свитере. Седые волосы он зачёсал назад, на носу сидели очки в простой металлической оправе.

Климов узнал фамилию, уточнил имя и заметил, что Алексей не похож на отца. Самого отца он не знал — только Романа.

Он развернулся и пошёл в квартиру, оставив дверь открытой. Алексей задержался на пороге. В комнате за прихожей горела настольная лампа. Вдоль стен стояли шкафы с папками, на подоконнике лежали свёрнутые карты. Между ними стоял старый судовой компас под стеклом.

Хозяин впустил гостя и попросил не ставить контейнер на пол. Алексей устроил коробку на свободном краю стола и сослался на Николая Петровича, который направил его к специалисту по старым руслам Большого Уссурийского.

Узнав об асфальте на глубине больше двух метров, воде и светофоре без питания, Климов сначала спросил о Семёне. Алексей сообщил, что мастера не нашли и после исчезновения никто его не видел.

Климов настоял на том, что разговор следует начинать с живого пропавшего. Алексей напомнил о картах, но хозяин квартиры пока хотел услышать полную причину визита.

Алексей открыл контейнер. Под прозрачной крышкой лежал чёрный кусок с белым краем стрелки. За время дороги поверхность высохла, но в углублении снова появилась вода.

Климов не приблизился к образцу. Он уточнил, касался ли Алексей асфальта, и, услышав про перчатку, спросил:

— И что потеряли?

Алексей закрыл контейнер и потребовал объяснить вопрос. Климов указал на его долгую дорогу через город и на то, что перед входом Алексей трижды оглянулся на дверь. Он видел: привычная связь между улицами уже дала сбой.

Разговор быстро вернулся к Роману. Климов знал его по паводку и видел, как тот помогал на лодках. Алексей пытался выяснить обстоятельства последней встречи, но хозяин квартиры отказался отдавать карты человеку, который начинал поиск Семёна с погибшего брата.

— Семён может находиться под насыпью.

Алексей рассказал об асфальте и человеке у провала, которого видел только он. Климов предупредил: старые карты уже использовали для поиска пропавших. Но поиск каждый раз смещался к умершему, который был исследователю ближе: брату, дочери или мужу. Дорога показывала достаточно, чтобы человек захотел продолжить, но не обещала возвращения.

Алексей достал планшет и открыл видеозапись из скважины. Мокрый асфальт уходил за пределы света камеры, на дальнем участке горел красный сигнал. Климов досмотрел запись до конца, потом попросил повторить момент, когда поток менял направление.

Затем он попросил показать положение репера. Алексей отметил на схеме физическую точку, прежнюю приборную координату и краткое обратное течение после звука шлагбаума. Для Климова совпадение стало ещё одним признаком того, что Алексей скрывает личный мотив.

Телефон Алексея завибрировал. Звонила Линь Юэ. Он ответил при Климове и включил громкую связь.

— Мы закончили первичный анализ воды, — сказала Линь. — Проба из скважины не совпадает с водой гидропоста.

— Чем именно?

— Составом взвеси. В скважине есть речной ил, которого не должно быть внутри свежей насыпи. Возраст по нему не определить, но источник другой.

— Дренаж?

— Проверили. Связь с дренажем появляется только во время скачка уровня. Потом исчезает.

Климов наклонился к телефону.

Услышав голос Линь, Климов представился и попросил подтвердить наличие воды под насыпью. Она сообщила о двух независимых пробах, покрытии, обнаруженном в трёх скважинах, и отсутствии подтверждения смерти Семёна. Климов счёл формулировку точной. Затем прямо сказал Линь, что Алексей пытается получить карты, не раскрывая настоящей причины.

Алексей положил телефон на стол.

Климов уточнил, для кого нужна карта. Алексей признал: он ищет живого Семёна, но хочет понять и появление Романа. Линь потребовала отделить личную надежду от рабочей цели.

— Карты нужны для поиска Семёна Кириллова, — сказал Алексей. — Я не буду использовать их, чтобы искать путь к Роману.

Климов переспросил, не означает ли это лишь временный отказ. Алексей повторил решение без оговорок. После этого хозяин квартиры достал кожаную сумку и собрался в речной клуб.

Большая часть карт хранилась в речном клубе. Климов предложил ехать сразу: Алексей требовал скорости, и старик не стал откладывать поездку.

В машине Климов попросил убрать навигатор, но Алексей признался, что не удерживает дорогу. Старик не стал допытываться, какую именно связь тот потерял, и лишь однажды указал поворот раньше, чем навигатор успел дать подсказку.

В речном клубе дежурная выдала Климову ключ от архива и напомнила не включать там чайник. После прошлой попытки свет погас на всём этаже, а сам прибор старик забрал домой.

Архивная комната оказалась тесной. Вдоль стен стояли металлические шкафы, на длинном столе лежали грузики для бумаги. Климов включил лампы и открыл первый шкаф.

— Карты здесь не по годам, — предупредил он. — По состоянию воды.

— Это неудобно.

— Для геодезиста. Речник сначала спрашивает, сколько воды, а потом — какой год.

Он разложил карту русел, составленную до начала крупных работ на острове. Затем достал схему одного из паводков. Береговая линия на них отличалась, но несколько точек совпадали. Алексей быстро нашёл будущую площадку пункта пропуска и отметил место насыпи.

— Реальной дороги здесь не было, — сказал он.

— Не было.

— Протока?

— На отдельных схемах.

Климов положил рядом третий лист. На нём через нужный участок проходило узкое русло, но линия обрывалась в середине и продолжалась ближе к другому берегу.

— Ошибка съёмки? — спросил Алексей.

— Так считали сначала. Потом нашли то же самое на более поздней карте.

Следующая схема была составлена другим специалистом. Русло сместилось, островные отмели изменились, однако пустой разрыв сохранился. На одном листе его обозначили двумя пунктирными линиями, на другом оставили незакрашенный участок.

— Почему не провели середину по общему направлению? — спросил Алексей.

— Потому что глубины не сходились. Заходили в коридор с одной стороны и получали одно русло. С другой — другое. Попытка свести промеры давала лишнее расстояние.

— Как между камерами.

— Да.

Алексей достал планшет и наложил схему ночного следа шин. Масштаб отличался, но принцип совпадал: две фиксированные точки существовали, а маршрут между ними получался длиннее фактического участка между опорами.

— Речники называли это закрытым фарватером, — сказал Климов. — Неофициально. Для судоходства он не имел смысла, поэтому в рабочих материалах его чаще убирали.

— Почему закрытым?

— Лодка входила в него, но выход не подтверждался тем же маршрутом. Компас показывал верно, берег оставался рядом, а пройденное расстояние не совпадало со временем.

— Есть журналы?

— Несколько записей. Большинство объясняли течением и ошибкой промера. Это разумное объяснение.

— Вы в него верите?

— Иногда. Иначе пришлось бы поверить, что каждая странность на реке ждала именно меня.

Климов достал папку с пометкой «2013». Алексей сразу потянулся к ней, но старик накрыл обложку ладонью.

— Это не обещанные карты.

— Там может быть маршрут Романа.

— Поэтому пока не открою.

— Вы ставите условия, хотя пропал человек.

— Я защищаю поиск пропавшего от вас.

Алексей убрал руку. Климов достал другой лист. Он был старше, края потемнели, на сгибах бумага истёрлась.

— Здесь остров до строительства современных дорог, — сказал он. — Смотрите не на берег. Смотрите на фиксации.

На карте стояли номера промерных точек. По одну сторону пустого участка эти данные подтверждали с российского берега. По другую использовали отдельные измерения. Между ними не было единой линии.

Алексей провёл карандашом над бумагой, не касаясь её.

— Это не пустое русло.

— Продолжайте.

— Коридор возникает между двумя наборами данных. Каждый описывает свой участок правильно, но переход между ними не подтверждён.

— Поэтому середина и исчезает.

— Тогда вода здесь вторична.

— Вода хранит маршрут. Люди дают ему имя и направление.

Алексей открыл схему современной площадки. Репер находился почти на оси пустого коридора. След шин начинался у шлагбаума и заканчивался там же, где старые карты переставали отвечать за середину.

— Когда появилось название «Нулевая протока»? — спросил он.

— Позже. В Архиве двух берегов.

— Что это за организация?

— Неформальная сеть. Картографы, речники и гидрологи обменивались копиями материалов, которые не сходились. Никаких собраний при свечах и тайных клятв. В основном чай, споры и плохие сканеры.

— Вы были в Архиве?

— Был.

— Линь о нём знает?

— Возможно. Архив не имеет списка членов.

— Почему перестал работать?

— Не перестал. Люди просто стали осторожнее произносить название.

Алексей сфотографировал три карты. Климов потребовал, чтобы в кадр вошли номера листов и грузики по краям. Каждую копию он зарегистрировал в журнале.

— Вы всё ещё не сказали, почему попытка искать погибших связана с картами.

— Потому что мы допустили ошибку. Решили, что у острова должно быть одно правильное описание.

— У него есть государственная граница и утверждённые названия.

— Речь не о принадлежности территории. Граница урегулирована. Мы пытались свести старые русла, местные названия, промеры разных лет и личные записи в одну схему. Хотели убрать противоречия.

— И что получили?

— Пустую середину, которая стала слишком удобной. В ней можно было записать маршрут, не принадлежащий ни одной исходной системе.

Алексей посмотрел на разрыв между линиями.

— Нулевая протока.

— Так её называли после первого совпадения с документом о переходе.

— Каким документом?

— Этого сегодня не будет.

— Семён мог попасть туда.

— Поэтому вы получите карту, а не весь архив.

Климов вынул лист без даты. На нём пустой коридор был проведён серым карандашом. У края стояла подпись: «вход не подтверждён». Алексей наложил поверх прозрачную копию плана пункта пропуска. Ось будущей дороги прошла через коридор.

— Десятая полоса, — сказал он.

— Пока только совпадение.

Алексей совместил опорные точки. Девять проектных направлений легли рядом с отмеченными старыми руслами. Десятое вошло в пустой промежуток.

Алексей уточнил, видел ли Климов современную схему стройки раньше. Тот получил её только сегодня, поэтому линии десяти полос не могли быть заранее нанесены на старую карту.

На старой карте проступил светлый след. Сначала Алексей решил, что это царапина на защитной плёнке. Он снял прозрачный лист. След остался на бумаге.

От пустого коридора расходились прямые линии. Их становилось больше, пока на карте не появилась геометрия проектных полос. Климов выключил верхнюю лампу и осветил лист сбоку. Линии лежали внутри бумаги, словно их нанесли до старения.

— Оригинал подменяли? — спросил Алексей.

— Он хранился здесь. Журнал выдачи перед вами.

— Чернила можно проверить.

— Проверим сейчас.

Климов взял ватную палочку, смочил её водой из закрытой бутылки и коснулся свободного края. Бумага потемнела обычным пятном. Возле новых линий вода собралась в каплю и не впиталась.

— Другая пропитка, — сказал Алексей.

— Вся карта из одного листа.

Алексей измерил координату начала линий по сетке. Она совпала с исходным положением смещённого репера. Физическое положение знака давало сдвиг, приборная координата — точное начало рисунка.

— Карта реагирует на исходную точку, — сказал Алексей.

— И на предмет, который вы принесли.

Контейнер стоял на соседнем столе. Белая стрелка на асфальте теперь указывала прямо на карту.

Алексей позвонил Линь и отправил ей снимок. Она попросила не перемещать лист и прислать отдельные кадры без электронной обработки.

Линь потребовала проверить зеркальный участок по китайским исходным данным и сохранить российский оригинал у независимого свидетеля. Климов подтвердил, что карта из архива не выйдет; Алексей получит только заверенную копию.

Старик добавил письменное условие: копия передаётся для поиска живого Семёна Кириллова и не может использоваться для закрепления маршрута Романа Неверова. Алексей заметил, что это не юридический запрет, но всё же поставил подпись под обязательством не использовать карту для поиска Романа.

Климов сделал копию нужного фрагмента, отметил исходную координату и поставил печать речного клуба. Подписанное обязательство осталось в журнале, а оригинал карты — на столе под стеклом.

Новые линии на карте стали белее. У десятого направления начали проступать буквы. Климов первым заметил надпись и включил камеру.

Слова появлялись медленно, будто их выводила вода внутри бумаги.

«Десятая полоса — входная отметка».

Алексей перечитал фразу и перевёл взгляд на контейнер с асфальтом. Стрелка под крышкой повернулась к двери архивной комнаты. За дверью начинался обратный путь, для которого уже не хватало одного навигатора.

Глава 6. Два моста

Утром над Фуюанем шёл низкий дождь. Линь Юэ стояла у окна технического офиса и смотрела, как машины уходят к мосту через протоку Фуюань. Мост соединял Фуюань с Хэйсяцзыдао. Дальше начиналась дорога к будущему пункту пропуска, но до российской площадки она пока не доходила.

На экране телефона оставался снимок карты Климова. На старой бумаге проступили десять прямых линий, а под последней появилась надпись о входной отметке. Алексей прислал изображение поздно вечером и добавил одну фразу: «Оригинал у независимого свидетеля». Для него это почти заменяло признание, что Климов оказался прав.

Линь сохранила снимок отдельно от рабочих материалов. Смешивать его с официальными схемами она не собиралась. Сначала требовалось найти запись на своей стороне.

Дверь открылась, и Чэнь Жуй вошёл с двумя стаканами кофе. На его каске была наклейка с уткой в защитном жилете.

Он поставил стаканы, увидел ночной снимок карты и быстро понял задачу: десятая полоса проходила через пустой участок, а Линь искала на китайской стороне след машины, объявленной российским оповещением. Чэнь напомнил, что молчание оповещения ещё не означает пустой журнал.

Доступ к исходным маршрутам требовал совместного запроса. Чэнь Жуй мог читать только состояние оборудования; Линь настаивала, что совместной системы пока нет и локальную запись нужно сохранить до обновления. Оба понимали: им мешал не только регламент, но и осторожность профессора Чжао Вэймин.

Линь позвонила Чжао и сослалась на российское сообщение с точным временем и направлением из Фуюаня. Наставник потребовал дождаться согласованного запроса. Она предупредила, что локальный журнал может обновиться и что независимость записи нужно установить сейчас.

Чжао разрешил фиксировать техническое состояние и носитель, но запретил открывать маршруты до оформления доступа. Разговор дал почти всё, кроме нужного журнала; Линь решила начать с разрешённой части проверки.

Они выехали к мосту. Линь сидела рядом с водителем и сверяла время ночного события. Оба журнала хранили события в едином серверном времени, хотя локальные часы Хабаровска и Фуюаня отличались на два часа. Российская запись соответствовала трём минутам первого часа ночи по хабаровскому времени. После нормализации отметки совпали. Главным оставалось направление: журнал отмечал прибытие из Фуюаня, хотя дорога с той стороны ещё не была соединена.

На подъезде к мосту Чэнь напомнил, что скрытый физический проезд исключала отдельная система наблюдения. Линь искала не машину, а её запись без транспорта. Такой сбой, заметил Чэнь, ремонтировать труднее.

Мост через протоку Фуюань работал много лет и связывал материковый Китай с Хэйсяцзыдао. Линь специально сняла координаты на въезде и на островном конце. Ей требовалось проверить, не возникла ли ошибка ещё до будущего пункта пропуска.

Обычный журнал моста не показал проездов. После фильтрации служебных вызовов они нашли запрос ровно в 00:03:11: без источника и карточки транспорта, только с ответом контроллера «локальная точка доступна». Внешних соединений в этот момент не было.

Чэнь предложил ограничиться контрольной суммой, но Линь настояла на физической копии. Они договорились, что накопитель останется в шкафу контроллера и не покинет китайскую сторону. Так запись сохраняла независимое происхождение.

Он отфильтровал записи. В 00:03:11 контроллер получил короткий запрос от островного направления. Команда не открывала шлагбаум и не включала сигнал. Она только проверяла готовность маршрута.

Чэнь открыл список сетевых соединений. В момент запроса внешних каналов не было. Локальный контроллер работал автономно.

Чэнь вздохнул и создал защищённую локальную копию. Накопитель оставил в шкафу контроллера, запечатав порт служебной лентой.

Во втором узле машина считалась ушедшей к материку, тогда как российский журнал отмечал прибытие из Фуюаня. Линь напомнила схему двух мостов. Китайский связывает Фуюань с Хэйсяцзыдао, российский — Хабаровск с российской частью Большого Уссурийского. Между ними лежат дороги и два пункта пропуска, ещё не соединённые в общий маршрут.

Совпавшие события были привязаны к обоим краям будущего пути. Допуск не подтвердил ни один контроллер; отметка пришла из временного узла с пустым номером — ещё одно событие, которого в штатной процедуре быть не должно.

Они доехали до технической площадки будущего китайского пункта. Часть оборудования находилась во временном модуле, остальное проверяли на стендах. Постоянного движения здесь не было, поэтому ночная запись не могла затеряться среди реальных проездов.

На технической площадке Линь попросила воспроизвести только поля направления и допуска, не загружая исходный журнал. Инженер смены считал повтор лишним, но согласился на изолированный стенд. Чэнь предупредил: обещанные пять минут, скорее всего, превратятся в сорок и один служебный конфликт.

Им дали изолированный стенд. Он не имел связи с внешней сетью и управлял двумя световыми стрелками на макете проезда. При обычном тесте одна указывала на въезд, другая — на выезд.

Линь открыла поле «сторона допуска». В китайской версии оно обозначало систему, которая должна принять транспорт после прохождения местного контроля. В российской копии сходное поле переводилось как «принимающая сторона». Перевод был близким, но неточным.

Сначала Чэнь выбрал китайскую сторону: стрелка указала к местному пункту. Российское значение развернуло её к будущему соединению. Пустое обязательное поле погасило обе стрелки.

Когда в форму подставили русское «принимающая сторона», обе стрелки указали наружу. Замена на «сторону подтверждения» заставила их меняться местами: программа заново выбирала адрес действия, но не находила владельца и ожидала внешнюю функцию.

Инженер смены попросил прекратить тест: стенд начал формировать команды для несуществующего модуля. Чэнь Жуй отключил внешний сетевой кабель; служебная линия между контроллером и локальным регистратором осталась подключённой. Стенд перестал обмениваться данными с общей сетью, но команды продолжили появляться в его локальном журнале.

— Источник внутри программы? — спросила Линь.

— Проверяю.

Чэнь открыл таблицу функций допуска. У каждой был номер и владелец. У последней записи не было номера. В графе владельца стояли две пустые скобки.

Линь вспомнила знак в паспорте Семёна.

— Покажи символ крупнее.

Чэнь вывел его на экран.

— Ты его видела?

— В найденном документе. Он не адресован ни российской, ни китайской системе.

— Значит, это общий контур?

— Общего контура нет.

Инженер смены указал на журнал.

— Строка создана во время теста?

— Нет, — ответил Чэнь. — Она существовала до загрузки стенда. Мы только заставили её проявиться в таблице.

— Тогда откуда подтверждение?

Чэнь открыл ночную строку автомобиля. Рядом с полем допуска стоял тот же символ. Неизвестная функция подтвердила проезд, хотя ни одна сторона этого не делала.

Линь попросила повторить тест с полностью отключённым питанием стенда. Инженер смены возразил, что без питания ничего не произойдёт, но Чэнь уже вынул кабель.

Световые стрелки погасли. На экране ноутбука осталась копия журнала. Через несколько секунд направление ночной машины изменилось само: статус «выбыла» сменился на «прибыла».

Даже после отключения стенда копия журнала меняла направление машины при выборе пустой стороны допуска. Ноутбук был вне сети, файл открыт только для чтения. Контрольная сумма не менялась. Иным становилось только отображение поля: каждый проверяющий видел, что транспорт отправлен к соседу. Поэтому обе стороны считали машину выбывшей.

Линь закрыла копию и открыла заново. Запись снова считала машину выбывшей. Они повторили тест. При выборе пустой стороны допуска направление поменялось.

Линь посмотрела на схему маршрута. Два моста удерживали собственные точки. Каждый журнал знал свой берег и собственную дорогу, но середина существовала только как взаимное ожидание. Неизвестная функция заняла это место и подтвердила проезд вместо обеих сторон.

Она позвонила Алексею. Он ответил почти сразу.

— Нашли запись, — сказала Линь. — Время совпадает до секунды. Здесь машина ушла в обратном направлении.

— Сетевого обмена не было?

— Не было. Запись появилась в локальном контроллере моста.

— Номер?

— Отсутствует.

— Водитель?

— Тоже. Допуск подтверждён функцией без владельца.

Алексей помолчал.

— Такой же знак, как в паспорте?

— Да.

— Карта Климова показывает входную отметку на десятой полосе. Возможно, мосты фиксируют концы маршрута.

— Я тоже так думаю. Но пока передадим только проверенные данные.

— Левин уже знает?

— Почему он должен знать?

— Утром запросил копию отчёта по асфальту.

— Не отправляй исходные материалы.

— Елена решает доступ. Я предупредил её.

Линь хотела спросить, сумел ли он вспомнить дорогу к дому, но при нём не стала. Алексей сам не сообщал о потере, хотя она видела, как он открыл карту сразу после прикосновения к асфальту.

— Сохрани исходный журнал отдельно, — сказал он.

— Уже.

Чэнь посмотрел на неё.

— Мне приятно, что вы оба цените мою будущую дисциплинарную беседу.

— Запись остаётся на китайской стороне, — ответила Линь. — Это важно.

— Для дисциплинарной беседы тоже.

После разговора Линь составила краткое техническое заключение. Она указала совпадение времени, автономность систем и появление неизвестной функции допуска. Версию о маршруте между мостами в документ не внесла: для неё требовалась совместная проверка.

Чжао Вэймин позвонил сам.

— Вы открывали журнал маршрутов? — спросил он.

— Мы проверили локальный контроллер моста и изолированный стенд.

— Я просил ждать согласования.

— Российская копия могла измениться. Нам требовалась независимая фиксация.

— Вы приняли решение за группу.

— Я приняла решение сохранить данные нашей стороны.

— Это не одно и то же?

— Нет. Я не передала исходный файл и не согласовала общую версию. Копия хранится здесь.

Чжао замолчал. Линь знала этот способ разговора: наставник давал ей время самой понять, насколько далеко она зашла.

— Отчёт направьте мне до передачи российской стороне, — сказал он. — Дальнейшие проверки только после согласования.

— Хорошо.

— И прекратите опыты с переводом.

— Мы проверяли адрес подтверждения.

— Именно поэтому прекратите. Формулировка влияет на логику системы, а вы пока не понимаете, как.

Сеанс связи завершился. Чэнь покрутил в руках наклейку-пломбу.

— Он сердится?

— Он осторожен.

— Это слово люди используют, когда начальник сердится профессионально.

К площадке подъехал автомобиль с китайскими номерами. Аркадий Левин вышел вместе с представителем подрядчика и показал документы на доступ. До Фуюаня он добрался через действующий пограничный переход, а местную машину предоставил подрядчик. Разрешения были оформлены без ошибок. Линь не знала, когда он успел их получить.

— Елена Руденко сообщила о совместной проверке, — сказал Левин. — Я привёз подтверждение по тестовому каналу.

— Какому каналу? — спросила Линь.

— Резервному обмену проектными данными. Он мог создать зеркальную запись.

Чэнь пригласил его в модуль. Левин посмотрел на стенд и сразу спросил, удалось ли воспроизвести смену направления.

— Откуда вы знаете о направлении? — спросила Линь.

— В российском журнале машина прибыла. Логично предположить, что здесь она выбыла.

— Логично. Но запись появилась до обмена данными.

Левин передал ей папку с разрешениями и схемой тестового канала.

— Пакеты могли сохраниться в буфере и пройти после восстановления связи.

— Контроллер моста не был подключён к этому каналу.

— Значит, ошибочно получил служебный шаблон.

— Шаблон тоже загрузили позже.

Левин согласился. Он изучил совпадение времени и неизвестный символ.

— Полезная находка, — сказал он. — Теперь проверку хотя бы не закроют как внутреннюю неисправность российской площадки.

В этом он был прав. Официальное объяснение о тестовой синхронизации давало группе время. Без него доступ могли остановить до отдельного расследования.

— Вы предлагаете принять неверную версию? — спросила Линь.

— Я предлагаю принять проверяемую рабочую версию. Она позволяет сохранить оборудование и людей на местах. Если её опровергнем, будет следующий этап.

— Вы уже знали о таком сбое?

— Знал, что проектные системы иногда подтверждают маршрут до физического соединения.

— Это невозможно без адреса допуска.

— Поэтому мы и проверяем нулевой коридор.

Чэнь перестал листать бумаги. Линь посмотрела на Левина.

— Как вы его назвали?

Он задержался на долю секунды.

— Технологический разрыв между двумя системами.

— В документах такого термина нет.

— Рабочее название. Так проще объяснять инвесторам пустой участок.

— Кто его предложил?

— Не помню. Возможно, один из проектировщиков.

Линь открыла папку. В документах стояло «участок будущего сопряжения». Слов «нулевой коридор» нигде не было.

Левин подошёл к экрану.

Ему показали не исходный журнал, а рабочую копию. В служебной части обнаружилось свёрнутое поле пассажиров, хотя водитель и пассажиры отсутствовали. После открытия появилась строка без номера документа.

— Закройте, — сказал Левин до того, как имя стало читаемым.

Чэнь не выполнил команду. В поле проявилось: «Вера Левина». Аркадий объяснил фамилию данными своего разрешения, но разрешение загрузили позже. Он заметил первые буквы раньше, чем строка развернулась в правильном направлении, и потребовал не делать выводов из его реакции.

Он помог им сохранить проверку, привёз нужные разрешения и предложил объяснение, которое руководство хотя бы могло обсуждать. Но термин «нулевой коридор» произнёс до того, как увидел схему. Имя Веры узнал до появления читаемой строки.

После его ухода Линь велела закрыть рабочую копию. Исходный файл остался в контроллере моста. Вторую изолированную копию он записал на новый накопитель и убрал в отдельный шкаф.

— Чжао будет очень доволен, — сказал Чэнь.

— Он будет знать, где хранится файл.

— Это не то же самое.

— Сегодня всё не то же самое.

Линь отправила Алексею только заверенную выписку со временем операции и направлением. Имя пассажира передала отдельным сообщением, без фотографии журнала. Так российская копия не могла стать единственным источником.

Перед закрытием Чэнь ещё раз открыл строку. Неизвестная функция допуска оставалась активной. Поле пассажира получило статус, которого не было в штатном интерфейсе.

На экране стояло: «Вера Левина — прибытие не завершено».

Глава 7. Ночной досмотр

К одиннадцати вечера площадка снова жила обычной ночной работой, но только за пределами двух закрытых полос. На восьмой укладывали кабель, у дальнего павильона сварщик собирал ограждение. Девятая и десятая оставались за бетонными блоками, а перед технологическим проездом дежурил погрузчик с поднятым ковшом.

Алексей сидел в контрольной кабине и сверял копию журнала с выпиской, которую Линь прислала из Фуюаня. В обеих системах машина появилась в одну секунду. Российская запись считала её прибывшей, китайская — выбывшей. Номера и водителя не было. Допуск подтверждала функция без владельца.

На соседнем мониторе светилась надпись, появившаяся после проверки на китайской стороне: «Вера Левина — прибытие не завершено».

Елена не разрешила вносить имя в общий отчёт. Левину о строке официально не сообщали.

Паша принёс чайник, но Алексей велел убрать его от аппаратуры. Рабочий успел заметить имя Веры в окне журнала и спросил о Семёне. Алексей показал ему пустую строку смены и велел проверить, не изменился ли статус пропуска пропавшего мастера.

Алексей закрыл окно журнала. Он собирался отправить Пашу на обход, когда камера технологического проезда дёрнулась. В кадре мелькнула тёмная кабина грузовика.

Машина появилась у насыпи без перехода из соседней зоны. Ещё секунду назад проезд был пуст. Теперь грузовик медленно катился к шлагбауму.

— Включи запись на отдельный носитель, — сказал Алексей.

Паша перестал улыбаться.

Он увеличил кадр, но номерного знака на кабине не оказалось.

Алексей вызвал пост у закрытого сектора:

— Машина на технологическом проезде. Выход не открывать. Людей убрать за павильон.

Из радиии ответил Миша:

— Здесь ничего не слышно.

— Смотри в сторону насыпи.

Через несколько секунд Миша выругался и сразу извинился. В свете мачт машина уже была видна с площадки. Грузовик шёл прямо, фары не горели.

Алексей переключил камеру на шлагбаум. Стрела оставалась закрытой, питание привода было снято после первого исчезновения Семёна. Машина не снижала скорость.

— Погрузчик на выезд, — приказал Алексей. — Ковш опустить. Вторую машину поставьте поперёк проезда.

— Водителя предупредить? — спросил Паша.

— Когда найдёшь, предупреди.

Он позвонил Елене. Та была в штабе и ответила сразу.

— Грузовик идёт с закрытого проезда, — сообщил Алексей. — Номера и света нет. Выезд блокируем.

— В кабине есть человек?

— Камера не показывает.

— Не приближаться до остановки. Медиков к павильону. Левину ничего не передавать без моего решения.

— Он уже едет?

— Он запросил ночной доступ полчаса назад.

Шлагбаум поднялся, хотя привод не включился. Стрела пошла вверх медленно, без обычных трёх щелчков и удара. На панели появилось зелёное разрешение проезда. В графе оператора стояли две пустые скобки.

— Питание снято? — спросил Алексей.

Оператор проверил автомат:

— Физически. Кабель отключён.

— Тогда не трогай панель.

Грузовик прошёл под стрелой. Она опустилась сразу за кузовом и легла на упор. Красный индикатор на стойке не загорелся.

Алексей выбежал из кабины. На улице двигатель машины работал почти без звука, хотя грузовик продолжал катиться. Погрузчик перекрыл выезд. Вторая служебная машина встала у бокового прохода.

— Всем за линию! — крикнул Алексей. — К кабине не подходить.

Грузовик свернул в зону досмотра. Машина сама выровнялась между направляющими и остановилась у павильона. Двигатель заглох.

Паша подбежал к Алексею, остановился за чертой и спросил:

— Может, водитель лёг?

— Тогда он очень хорошо паркуется лёжа.

— Я и сидя так не умею.

Елена приехала на служебной машине. За ней остановился медицинский модуль. Она выслушала доклад, посмотрела запись проезда и велела включить обычную процедуру первичного осмотра.

— Обычную? — переспросил Паша.

— У нас нет отдельной инструкции для машины без водителя, — ответила Елена. — Значит, начинаем с той, которая есть.

Алексей согласился. Невозможный грузовик не отменял обычной опасности тяжёлой машины.

Они обошли её с расстояния. Кабина была тёмной. На лобовом стекле не осталось следов дождя, хотя площадка промокла. Под передней осью растекалась вода.

— Запаха топлива нет, — сказал Миша.

— Не наклоняйся под раму, — остановил его Алексей.

Тепловизор показывал холодный кузов и слабое тепло двигателя. Человека в кабине не было.

Елена назначила двух наблюдателей и только после этого разрешила приблизиться. Алексей проверил дверь длинным захватом. Замок оказался открыт.

— Камеру сначала, — сказала Елена.

Паша закрепил маленькую камеру на шесте и подал к стеклу:

— Пусто.

— Нижнюю часть проверь.

— Тоже. Только сиденье мокрое.

Алексей открыл дверь. В кабине пахло речной водой и старой тканью. С водительского коврика стекала грязная вода. Педали были мокрыми, но следов обуви на них не осталось.

Ключа в замке не было. Рычаг стоял в нейтральном положении. На приборной панели часы показывали 00:03.

— Машина пришла в одиннадцать двадцать семь, — сказал Миша.

— Для неё время ещё не изменилось, — ответил Алексей.

На панели тахографа мигал маршрут. Линия начиналась у Фуюаня, пересекала китайскую часть острова и шла к российской площадке. Устройство показывало непрерывное движение, хотя две дороги физически ещё не соединили.

Паша заглянул через плечо:

— Он через оба моста ехал?

— По записи — да.

— А по земле?

— По земле мы бы его встретили раньше.

Тахограф отметил новый километр. Машина стояла неподвижно.

Алексей сфотографировал экран и вызвал Линь. Она ответила из Фуюаня, где вместе с Чэнь Жуй проверяла сохранённую копию лога.

— На российской площадке появился грузовик, — сказал он. — Без водителя. Тахограф ведёт путь от Фуюаня.

— Время начала?

— Совпадает с первым объявлением.

— Не выключайте устройство.

— Не собирался.

— В китайском журнале маршрут снова изменил направление. Теперь машина считается прибывшей к вам.

— Она и прибыла.

После короткой паузы Линь сказала:

— Тогда запись впервые совпала с физическим объектом.

— Объект пока стоит под охраной.

— Проверьте, что он привёз. Но не касайтесь предметов без координатной фиксации.

— Климов говорил то же самое.

— Значит, сегодня у вас два неприятно разумных человека.

— Уже три. Елена рядом.

Елена услышала и протянула руку к телефону:

— Передайте Линь, что вскрытие кузова проведём по описи.

— Она слышит.

— Тем лучше. Пусть потом не говорит, что мы игнорируем воду.

Линь попросила сохранить тахограф отдельной записью и закончила разговор. Алексей проверил кабину ещё раз. На пассажирском сиденье лежала бумажная бирка. Номер на ней совпадал с одной частью паспорта 2008/2028, но не с целым документом.

Кузов был закрыт пломбой без знаков. Елена отказалась срезать её до установки камер и стола для находок. Паша привёз переносной свет, Миша поставил ограждение шире.

— Так мы всю ночь будем готовиться, — сказал Паша.

— Зато утром останется что объяснять, — ответила Елена.

— Я надеялся, что утром останется только сон.

— Можешь включить его в акт как утраченное имущество.

После фиксации Алексей разрезал пломбу. Замок открылся без усилия. Двери кузова прилипли к уплотнителю, будто внутри держалась вода.

Когда створка отошла, на порог вылилась мутная струя. Она прошла по асфальту и остановилась у белой линии, не перетекая через неё.

В кузове лежал речной ил. Поверх него виднелась спасательная жилетка с выцветшей полосой. На бирке указали номер дела, которого не было в электронной системе.

— Один предмет, — сказала Елена. — Сначала его.

Жилет вынесли пластиковыми захватами и положили на стол. На жилете стояла одна дата изготовления, на бирке — другая. Материал выглядел старше обеих.

Под ним нашли ещё одну жилетку, современную, почти новую. Номер бирки начинался как запись о паводке, а заканчивался цифрами проектного пакета будущего пункта пропуска.

— Опять сборка, — сказал Алексей.

— Из документов разных лет, — ответила Елена. — Фиксируй без вывода.

Они не стали выгружать всё сразу. Каждый предмет проходил отдельную фиксацию. Пробу ила брали с одного участка, а кузов закрывали, пока образец передавали на стол первичной фиксации. Алексей следил за тахографом через камеру в кабине. Счётчик продолжал увеличивать расстояние.

На глубине кузова Паша заметил красное пятно:

— Там ткань.

Алексей посветил фонарём. Из ила выступал палец маленькой вязаной варежки.

Елена отвела рабочих на шаг:

— Камеру ближе. Руками не трогать.

Захват поднял детскую варежку. Она была красной, с белой нитью у запястья. Второй пары в кузове не было. Вода стекала с шерсти, но ил к ней почти не прилип.

Алексей вспомнил холод, прошедший через перчатку. Достаточно было коснуться вещи, назвать имя и удержать координату. Тогда дорога могла показать фрагмент прошлого. Возможно, Вера стояла у моста. Возможно, Семён видел её.

Он не протянул руку. Климов предупреждал, что найденный образ не бывает бесплатным. После асфальта Алексей потерял поворот к дому детства. Варежка могла забрать воспоминание о Романе, которое он ещё удерживал.

— Пакет, — сказал он.

— Сначала общий план, — остановила Елена.

В этот момент у ограждения появился Левин. Пропуск у него был действующий, но охрана не разрешила войти без Елены. Он увидел варежку со стороны и застыл.

— Откройте проход, — сказал Левин.

Елена подошла к нему:

— Пока идёт досмотр, доступ ограничен.

— Эта вещь связана со мной.

— Откуда вы знаете?

— Белая нить на манжете. Вера зацепила варежку за проволоку, жена зашила тем, что было под рукой. Стежок идёт крестом.

Алексей посмотрел на варежку через объектив камеры. У запястья действительно виднелся кривой белый крест.

— Когда это было? — спросил он.

— За неделю до паводка.

Левин говорил спокойно, но не отрывал глаз от вещи дочери, погибшей четырнадцать лет назад.

— Где нашли? — спросил он.

— В кузове, — ответила Елена.

— Вместе с останками?

— Тел и останков нет.

Левин прикрыл глаза, затем снова посмотрел на варежку:

— Я прошу передать её моей службе. У нас есть лаборатория и материалы по Вере.

— Ваша служба не участвует в официальной описи.

— «Контур-Восток» предоставил оборудование и доступ к архивам.

— Это не даёт права забирать находки.

— Тогда разрешите мне присутствовать.

Елена обернулась к Алексею. По её тону он понял, что спорить она больше не будет, но ждёт подтверждения безопасности.

— За линией досмотра, — сказал Алексей. — К предметам не подходить.

Охрана пропустила Левина в павильон. Он надел перчатки, хотя касаться вещей ему не разрешали.

Варежку положили на отдельный лист. Алексей снял координату стола и записал её в общий журнал. Потом незаметно сохранил исходное значение в полевом приёмнике под личным номером точки. В официальной записи указали место хранения; в приёмнике осталась координата первого положения после изъятия.

Левин заметил движение прибора:

- Зачем привязка внутри павильона?
- Чтобы фиксировать перемещение.
- Вещь не геодезический объект.
- Сегодня это не аргумент.

Елена назначила второй акт. Первый описывал изъятие из машины, второй — передачу на хранение. Левин потребовал указать его как владельца семейной вещи.

- Владелец не установлен, — сказала Елена.
- Я только что подтвердил шов.
- Вы подтвердили личную связь. Это не право собственности в рамках досмотра.
- Вера была моей дочерью.
- Поэтому вы указаны как заинтересованное лицо.

Левин сжал челюсть:

- Не вскрывайте варежку при посторонних.
- Что значит «вскрывать»?
- Не распарывайте шов. Внутри манжеты была бумажка с её именем. Мы подписывали детские вещи.

Елена посмотрела на Алексея:

- Это проверяемая деталь.
- Без вскрытия, — ответил он. — Сначала просветить.
- Я привезу оборудование, — сказал Левин.
- Оборудование выберем мы, — отрезала Елена.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Левин отступил.

- Хорошо. Но хранение должно быть отдельным.
- Будет.

Он получил копию страницы описи без координатных приложений. Алексей видел, насколько трудно Левину не протянуть руку к варежке. Это объясняло, зачем он держался рядом со стройкой.

Из кузова достали ещё один предмет — металлическую бирку с датой паводка. Рядом не было ремня или одежды, к которым её могли прикрепить. Елена решила остановить разгрузку. Ил мог скрывать острые детали, а ночная смена работала слишком долго.

Красную варежку поместили в прозрачный сейф-пакет. Елена подписала контрольную полосу первой. Вторую подпись поставил Алексей. Для лаборатории «Контур-Восток» оставили место свидетеля, но не получателя.

Левин прочитал документ:

- Вы мне не доверяете.
- Я не доверяю единственной описи, — сказала Елена. — Это разные вещи.
- А Неверову доверяете?
- Сейчас он не просит отдать ему улику.

Левин перевёл взгляд на Алексея:

- Вы видели Романа на площадке. Почему варежку Веры считаете уликой, а не шансом? Все в павильоне замолчали.
- Откуда вы знаете про Романа? — спросил Алексей.

— Его лицо появилось в паспорте. Информация вошла в ограниченный отчёт.

— В отчёте не было появления у провала.

Левин понял ошибку, но не отступил:

— Вы могли увидеть его после контакта с асфальтом.

— Мог. Но я об этом вам не говорил.

Елена закрыла папку:

— На сегодня разговор закончен. Аркадий Сергеевич, покиньте зону досмотра.

— Я уеду после передачи варежки в охраняемый модуль.

— Будете ждать за ограждением.

Он подчинился. У выхода обернулся и сказал Алексею:

— Не касайтесь её. Вы не знаете, чью память она возьмёт первой.

Когда Левин ушёл, Паша тихо спросил:

— Он сейчас предупредил или пригрозил?

— Работай, — ответила Елена. — Потом решим.

Варежку перенесли в отдельный шкаф. Алексей шёл рядом и следил за приёмником. Полевой прибор правильно показывал движение точки. На пороге модуля значение на секунду вернулось к точке у машины, хотя пакет находился в руках Елены.

Он сохранил скачок, никому не показывая. Линь получит данные позже по отдельному каналу.

Когда они вернулись в павильон, грузовик стоял на прежнем месте. Двери кузова были открыты, вода под порогом высыхала.

Оператор вызвал Алексея по рации:

— У меня машина пропала.

— Какая?

— Эта. Все камеры зоны досмотра показывают пустой павильон.

Алексей посмотрел на грузовик. Он находился в десяти метрах, тяжёлый, грязный и совершенно реальный.

В контрольной кабине на четырёх экранах павильон был пуст. Камеры передавали стол, открытые ворота и людей, но там, где стояла машина, изображение не искажалось. Паша прошёл перед кабиной грузовика и появился на экране целиком.

— Я через неё просвечиваю, — сказал он по рации. — Всегда мечтал о полезной способности.

— Выйди из зоны.

Алексей открыл архив. До изъятия варежки машина присутствовала на всех камерах. В момент, когда сейф-пакет покинул павильон, кузов исчез из записи. Люди и предметы за ним стали видны.

Елена проверила машину физически. Металл отзывался на удар, шины давили на весовую площадку. Датчик массы показывал почти восемь тонн.

— Охрану оставить, — сказала она. — Даже если камеры считают иначе.

Алексей включил отдельную камеру без соединения с системой. На её экране грузовика тоже не было.

Из кабины машины донёсся писк. Тахограф отметил новый километр.

Паша посмотрел на неподвижные колёса:

— Может, ему сказать, что он уже приехал?

— Система сказала, — ответил Алексей.

— Не убедила.

Счётчик продолжал расти. По записи грузовик двигался к российскому мосту через Амурскую протоку, хотя стоял под охраной в зоне досмотра. Через минуту маршрут прошёл мост и повернул в сторону Хабаровска.

Алексей сохранил экран. Варежка оставалась в запертом модуле, машина — в павильоне. Однако журнал уже показывал продолжение маршрута.

Глава 8. Первый возврат

К пяти утра грузовик всё ещё стоял в павильоне, хотя камеры его не видели. Тахограф продолжал считать путь по Хабаровску. Елена оставила у входа двух охранников и закрыла доступ к кабине.

После обхода Алексей вернулся в контрольную. Он не успел открыть выписку из китайского журнала: датчик технических ворот подал сигнал прохода.

Ворота были заперты. Замок отвечал, что створки закрыты, а камера показывала пустой проезд.

Оператор решил, что к воротам снова подошла машина. Алексей велел сначала проверить тепловизор. На экране появилась человеческая фигура, стоявшая с внешней стороны почти вплотную к металлической сетке.

Алексей вызвал охрану и побежал к проезду. Елена вышла из медицинского модуля следом. За ними спешил Паша, натягивая куртку на ходу.

У ворот стоял Семён Кириллов. Вода стекала с него на бетон.

Он держался за сетку обеими руками. Куртка промокла до плеч, с брюк стекала вода, но сам он не дрожал. На лице осталась щетина той же длины, что в ночь исчезновения. Каски не было.

— Семён, слышишь меня? — спросил Алексей.

Мужчина поднял голову и несколько секунд смотрел через сетку. В его лице появилось узнавание.

— Роман? — сказал он. — Ты откуда здесь взялся?

Алексей остановился. Имя брата ударило точнее любого вопроса.

— Меня зовут Алексей.

— Хватит. Я тебя с детства знаю.

Семён попытался дёрнуть створку. Замок не поддался.

— Откройте. Мне к начальнику работ надо. Нас на воде задержали.

Елена подошла сбоку, не заслоняя Алексея. Она следила за руками Семёна.

Она запретила открывать ворота до прибытия медиков. Семён заверил, что здоров и только промок. По его словам, шёл 2008 год, хотя площадка была освещена так, будто её подготовили к выставке.

Паша прикрыл рот ладонью. Алексей повернулся к нему.

Он запретил называть современную дату и вообще подсказывать Семёну факты. На вопросы разрешалось отвечать только о действиях и самочувствии.

Медики подкатили носилки, хотя Семён стоял уверенно. Перед открытием ворот Алексей проверил пространство за ним. На влажном грунте не было следов подхода. Отпечатки начинались у самой створки.

Замок сняли вручную. Семён вошёл и сразу оглянулся.

Он спросил, где синяя лодка с белым бортом, на которой их привезли. За воротами лежал пустой проезд, а вода в канаве шла к дренажу.

Ирина повела Семёна в тёплый модуль. Он снова потребовал сначала отвезти его к начальнику, но медик пообещала дать тому пять минут на освоение ожидания.

Семён удивился, но спорить не стал. Он сам выбирал повороты, хотя медицинский модуль поставили лишь год назад. У старого проезда упёрся в бетонные блоки и нахмурился.

— Здесь вагончик стоял.

— Когда? — спросила Елена.

Алексей остановил вопрос: Семён мог повторить услышанное.

— Не спрашивай о времени.

Семён повернулся к нему. Взгляд оставался уверенным.

— Ты командовать научился, Роман. Раньше даже в магазине сдачу пересчитывать стеснялся.

Фраза попала слишком точно. Роман в детстве действительно молчал, когда продавщица ошибалась, и потом дома сердился на себя. Семён не мог этого знать.

— Откуда ты знаешь Романа? — спросил Алексей.

— Так я с тобой и говорю.

— Мы раньше встречались?

— Вчера на берегу.

Елена снова посмотрела на Алексея, но он не стал продолжать. Семёна завели в медицинский модуль и посадили на кушетку. Ирина разрежала мокрый рукав, чтобы поставить датчик, а Семён возмутился:

— Куртка казённая.

— Вернёте рукав после обследования.

— Куда я его верну?

— В бухгалтерию. Там любят отдельные части вещей.

Паша хмыкнул за дверью, но сразу замолчал. Елена даже не обернулась.

Температура тела Семёна была нормальной. Пульс повышен, дыхание без хрипов. Кожа на руках не побелела и не сморщилась, хотя одежда пропиталась водой насквозь.

Ирина измерила температуру куртки. Датчик показал четыре градуса.

Медик сказала, что куртку словно только вынули из реки. Семён подтвердил: лодку прижало к кустам, и около десяти минут ему пришлось идти по пояс в воде.

По состоянию кожи Семён не провёл в холодной воде всё время отсутствия.

Елена попросила всех выйти, оставив в модуле только медиков, Алексея и Линь, которая подключилась по видеосвязи. Чэнь остался у китайского контроллера и записывал время каждой проверки.

Линь запретила вопросы с готовым ответом. Дату и новые фамилии называть было нельзя. Ошибку с Романом она тоже предложила пока не исправлять, а память проверять через действия.

Ирина дала Семёну тёплую одежду. Пока он переодевался за ширмой, Алексей осмотрел мокрую куртку. В наружном кармане лежал карандаш, во внутреннем прощупывался твёрдый предмет. Он не стал доставать его до описи.

Семён вышел в спортивном костюме, сел за стол и потребовал телефон. Движения у него оставались обычными.

Елена предложила позвонить родственникам. Семён продиктовал старый городской номер жены. Паша узнал его и проговорился, что номер действовал до переезда. Алексей оборвал подсказку. Паша сослался на осведомлённость бригады и после взгляда Елены вышел в коридор.

Линь предложила начать с привычной работы. На стол поставили старый ручной нивелир из учебного комплекта. Семён проверил винты, выставил прибор и заметил, что пузырёк уровня уходит вправо.

Он объяснил, как исправить уровень, и потребовал затем проверить прибор на двух точках. Работал уверенно, хотя таким инструментом на площадке давно не пользовались.

Современный приёмник он принял за новую рацию. После осмотра крепления догадался, что прибор предназначен для съёмки, но назначение экрана осталось ему непонятно.

Алексей записал ответ. Семён сохранил профессиональные навыки, но техники, появившейся после 2008 года, в его опыте не было.

Проверку продолжили на площадке. Елена согласилась вывести его только в сопровождении медиков. Мокрую одежду запечатали в контейнер и понесли отдельно.

Семён уверенно повёл группу к месту старого временного городка. Там теперь стоял склад. Он остановился перед воротами и долго смотрел на металлическую стену.

— Здесь была столовая, — сказал он. — Слева вход, за углом вода.

— Покажите путь к вашему вагончику, — предложил Алексей.

Семён пошёл по старой линии проезда. Современную конфигурацию он не узнавал, но обходил участки, где когда-то лежали канавы. У десятой полосы остановился и посмотрел на закрытый шлагбаум.

— Этого не было.

— Что именно? — спросила Елена.

— Проезда. Он дальше уходил к воде.

— Какого проезда?

Семён указал на насыпь. Палец остановился у смещённого репера.

— Там дорога. Вы что, засыпали её?

Алексей заметил, как Линь напряглась на экране планшета. Она сразу включила запись.

— Вы ходили по этой дороге? — спросил он.

— Только до знака.

— Какого знака?

Семён коснулся груди, словно проверял карман, и нахмурился. Он не смог ответить сразу.

— Потом скажу. Сначала начальник.

— Начальника здесь нет.

— Тогда вызови его, Роман.

— Я Алексей.

Семён раздражённо махнул рукой. Спор о имени уже утомлял его.

— Ладно. Алексей так Алексей. Ты всегда любил, чтобы всё было по документам.

После этой фразы он уже не называл его Романом несколько минут. Алексей заметил перемену и записал время.

В штабе Елена положила перед Семёном схему площадки без дат и названий. Он отметил старый проезд почти без ошибки, но новые полосы провёл в стороне.

Семён заявил, что столько ворот ставить нельзя: весной сюда подойдёт вода. Линь попросила назвать источник. Он сначала сказал только о протоке, а после уточнения уверенно назвал Амурскую протоку.

Алексей видел, что ответ появился после вопроса. Семён же настаивал, что знал это всегда и минуту назад думал так же.

Линь попросила прекратить географические вопросы. Она предложила показать Семёну фотографию семьи без подписей. Елена получила снимок от жены через закрытый канал.

Елена попросила назвать людей на снимке. Семён сразу указал на женщину и назвал её женой Ольгой Кругловой. Это была её девичья фамилия; после свадьбы она стала Кирилловой.

Сына Семён назвал племянником и ошибся в возрасте почти на двадцать лет. Паша в коридоре проговорился, что на снимке сын.

После подсказки Семён уверенно назвал взрослого мужчину Максимом, но не смог назвать его возраст и повторил только услышанное слово «сын». Имя закрепилось, новой памяти не появилось.

Линь велела убрать снимок: ответ закрепился после подсказки, и продолжать проверку было опасно. Семён возмутился, заявив, что с памятью у него порядок. Елена закончила разговор и отправила его отдыхать.

Семён посмотрел на Алексея. Обида в его лице была настоящей.

— Роман, скажи им.

Алексей ничего не ответил. Имя вернулось, как будто предыдущий разговор не существовал.

В медицинском модуле проверили ещё несколько действий. Семён завязал страховку старым способом и вспомнил прежние правила. Новый карабин он сначала взял не той стороной, но после показа повторил движение и заявил, что всегда так работал.

— Он не притворяется, — сказала Линь, когда Семён уснул под наблюдением. — Подсказка не возвращает память. Она создаёт уверенность.

— Он живой, — ответил Алексей.

— Да. Температура тела, реакции и непрерывная моторика это подтверждают. Но его биография повреждена.

— Можно восстановить её постепенно.

— Можно заполнить пробелы нашими словами. Это будет другой процесс.

Елена закрыла журнал и убрала ручку. По её тону Алексей понял, что решение принято.

— Значит, никто не задаёт ему семейных вопросов без разрешения. Даты тоже запрещены.

— И ответы только через действие, — добавил Алексей.

— Ты сам соблюдаешь?

— Да.

Линь посмотрела на него с экрана. Она не торопила его с ответом.

— Он назвал тебя Романом до любой подсказки.

— Я слышал.

— И сообщил деталь детства.

— Это могло быть в памяти Романа, а не Семёна.

— Именно. Поэтому тебе нельзя оставаться с ним одному.

Алексей хотел возразить, но Елена уже внесла это в распоряжение. Спор ничего бы не изменил.

— Я отвечаю за поиск, — сказал он.

— Теперь ты ещё и участник воздействия, — ответила Елена. — Это не увольнение. Это ограничение доступа.

— На каком основании?

— Ты потерял часть времени после асфальта и скрыл это.

Он посмотрел на Линь. Та не отвела взгляд.

— Сколько? — спросила Елена.

— Несколько секунд.

— Ты очнулся у стола.

— Я не терял сознание.

— Сегодня проверим внимательнее.

Алексей понял, что спор только подтвердит её решение. Он потребовал хотя бы присутствовать при описи одежды Семёна. Елена согласилась при условии, что предметы будет извлекать другой человек.

Куртку перенесли в контрольную кабину, где работали две независимые камеры. Миша вскрыл контейнер. Вода внутри пакета не собралась на дне, хотя ткань оставалась мокрой.

Из наружного кармана достали карандаш и шайбу. Во внутреннем лежал чёрный знак длиной с ладонь, похожий на геодезический репер без официальной маркировки. На одном торце была насечка, на другом — круглая выемка. В рабочей описи Алексей назвал находку Нулевым репером и отдельно отметил, что к официальной геодезической сети знак не относится.

— Это тот знак? — спросил Алексей у Семёна через открытую дверь модуля.

Семён проснулся и сел на кушетке. Сон не сделал его спокойнее.

— Да. У дороги лежал.

— Вы его подняли?

— Мне сказали взять.

— Кто сказал?

— Ты.

Алексей почувствовал холод в пальцах. Семён говорил без сомнения.

— Я там не был.

— Был. Только моложе.

Елена закрыла дверь медицинского модуля и велела не продолжать. Миша положил знак на измерительный стол. Вес оказался меньше ожидаемого, а показания менялись в пределах нескольких граммов.

Линь попросила снять координату. Приёмник показал место у стола, затем на секунду перенёс точку к закрытому шлагбауму.

— Та же связь, что у варежки, — сказал Алексей.

— Не касайся, — предупредила Линь.

Он надел две пары перчаток и взял пластиковый захват. Даже через него Алексей чувствовал холод металла.

— Я перенесу в контейнер.

— Это может сделать Миша.

— Он не связан с предыдущими точками.

— Именно поэтому он безопаснее.

Миша потянулся к знаку, но тот сдвинулся по столу к Алексею. Движение было коротким, на несколько сантиметров. Камеры его записали.

Елена встала между столом и Алексеем. Доступ к находке она закрыла собой.

— Никто не трогает до решения.

В динамике контрольной кабины появился шум воды. Он шёл не от рации и не от наружного микрофона. Алексей услышал голос Романа.

— Ты опять опоздал.

Фраза прозвучала рядом, хотя остальные смотрели только на экран с помехами. Алексей узнал голос сразу.

— Вы слышали? — спросил Алексей.

— Воду, — ответила Елена.

Линь заметила его реакцию. Она сказала:

— Отойди от стола.

Чёрный знак повернулся выемкой к нему. На металле выступила влага.

Алексей сделал шаг назад, но увидел дорогу. Она начиналась у шлагбаума и шла под серым небом к воде. Роман стоял у края и упирался ладонью в створку, которой на площадке не было.

— Не бойся, — сказал он. — Здесь быстрее.

За его спиной Семён шёл по асфальту с чёрным знаком в кармане. Дальше красный светфор сменился зелёным.

Алексей протянул руку, чтобы остановить брата. Пальцы коснулись металла.

Шум стал громче. Дорога повернула к реке, и белая линия ушла под воду. Роман обернулся.

— Назови место, — сказал он.

Потом всё исчезло. Вместе с дорогой пропал звук воды.

Алексей пришёл в себя у закрытого шлагбаума. Рука лежала на холодной стреле. Вокруг стоял ранний утренний свет, а контрольная кабина находилась почти в тридцати метрах за спиной.

Елена и Миша бежали к нему. Линь говорила через рацию, требуя не двигаться.

— Сколько времени? — спросил Алексей.

— Четыре минуты двенадцать секунд, — ответила Елена. — Ты вышел из кабины и шёл сюда.

— Я ничего не помню после прикосновения.

— Мы предупреждали.

— Где знак?

— Остался на столе.

Алексей посмотрел на шлагбаум. В памяти сохранился Роман, дорога и слова о месте, но промежутки между кабиной и полосой исчез полностью.

— Ты слышал голос? — спросила Линь.

— Романа.

— Что он сказал?

— Что я опоздал. Потом велел назвать место.

— Какое?

— Не знаю.

Елена проверила его зрачки и координацию. Нарушений она не нашла.

— С этого момента ты отстранён от прямого контакта с находками.

— Временно?

— Пока врач и Линь не решат иначе.

— У нас Семён вернулся с дороги.

— Поэтому нам нужен специалист, который помнит, как дошёл до шлагбаума.

Медики увели Алексея в модуль. Семён сидел на кушетке и смотрел на него без удивления.

— Нашёл? — спросил он.

— Что?

— Девочку.

Елена остановилась у двери. Разговор снова стал проверкой.

— О какой девочке вы говорите?

Семён провёл пальцем по манжете спортивной куртки, будто вспоминал чужую вещь. На красную варежку он раньше не смотрел.

— В красной варежке. Она у десятой полосы ждёт.

Алексей сел напротив, не приближаясь. Между ними оставался свободный проход.

— Кого ждёт?

— Отца. Он всё время не туда приезжает.

— Вы знаете её имя?

Семён нахмурился. Имя не приходило.

— Она не сказала.

В контрольной кабине подал сигнал журнал допуска. Оператор вызвал Елену по рации.

— В списке прибытия новая строка. Машина та же, водитель пустой. Пассажиры теперь двое.

— Первый пассажир?

— Вера Левина.

— Второй?

— Семён Кириллов. Но его пропуск уже отмечен внутри площадки.

Елена включила громкую связь. Семён услышал имя, вздрогнул и поднял голову.

— Вера, — сказал он. — Да. Девочку зовут Вера.

Алексей посмотрел на Линь в экране планшета. Имя появилось в системе раньше, чем Семён произнёс его, но прозвучало в комнате за секунду до ответа. Теперь нельзя было доказать, вспомнил он или принял подсказку.

На экране контроля рядом с двумя пассажирами появилась третья строка. Имя в ней отсутствовало, зато статус был уже заполнен: «лишний пассажир ожидает допуска».

Глава 9. Лишний пассажир

К вечеру Елена закрыла штаб и оставила у двери охранника. На столе лежали два заявления. Левин предлагал провести ограниченный проезд служебной колонны, Алексей требовал запретить любое движение по закрытому участку. Оба документа заранее распределяли ответственность за возможную ошибку.

За окном стоял грузовик, которого не видели камеры. Тахограф продолжал считать километры, хотя колёса не двигались. Семён спал в медицинском модуле, чёрный знак из его кармана хранился в отдельном шкафу. Красная варежка лежала в сейф-пакете через две комнаты от Елены.

Левин привёз мобильный блок резервного питания, три независимые радиостанции и ручные ограждения. Оборудование снижало риск, поэтому предложение было труднее отклонить.

— Ночной грузовик появился без нашего решения, — сказал он. — Следующее событие тоже может начаться само. Управляемый тест даст границы.

Алексей стоял у окна и не приближался к столу. После контакта с чёрным знаком Елена запретила ему касаться находок и выходить одному к десятой полосе. Он подчинился, считая ограничения временными.

— Маршрут уже признан одной системой досмотра, — ответил он. — Если пустим колонну, добавим ему людей.

— Или поймём, на каком действии появляется лишняя запись.

Елена развернула схему. Три служебные машины должны были пройти от штаба до закрытой зоны, развернуться перед шлагбаумом и вернуться по той же линии. За ограждение ни одна не должна была выходить. Тяжёлая техника оставалась на месте, шлагбаум отключали физически.

Линь участвовала по защищённой связи. Китайская группа соглашалась только наблюдать за местным журналом. Движение со стороны Фуюаня она запретила.

— Варежка останется в шкафу, — сказала Елена. — Нулевой репер тоже. В колонне не будет личных вещей погибших.

Левин попросил использовать варежку как контрольный предмет. Елена отказала: сегодня проверяли машины и живых сотрудников, а не его дочь. Он принял отказ без спора, но взгляд задержал на двери хранилища.

Алексей снова предложил отменить проезд. Геодезический приёмник показывал между двумя вехами тридцать семь метров, хотя рулетка давала тридцать один. Елена исключила приборную координату и оставила физическую разметку.

— Мы уже знаем, что место меняет длину, — сказал Алексей. — Теперь добровольно въедем в него.

— Если ничего не делать, ночная смена всё равно останется рядом с маршрутом. Мне нужен короткий тест, который я могу остановить.

— Если система решит, что он завершён, вы его уже не остановите.

— Тогда узнаем, какое действие она принимает за согласие.

Елена сомневалась, но грузовик пришёл сам, а Семён вернулся без следов подхода. Если они будут ждать, момент следующего действия выберет сама система.

Она назначила три экипажа. В первой машине ехали Миша и медик Ирина, во второй — Паша с оператором Сергеем, в третьей — инженер связи Олег и охранник Антон. Алексей оставался у контрольной линии и сверял физический маршрут. Левин отвечал только за резервное питание.

Для каждой машины подготовили бумажный манифест. На листе стояли два имени, номер машины и путь. Водитель расписывался у старта, пассажир — после возвращения. Свободную строку Елена перечеркнула сама.

Елена потребовала, чтобы участники оставили личные телефоны в штабе. Связь шла только через выданные радиостанции, а время сверяли по механическим часам на столе. Паша сдал телефон последним и попросил записать, что батарея была почти заряжена.

— Это важно для описи?

— Для семейной трагедии, если он разрядится без меня.

— Вернёшься — проверишь.

Перед выходом каждый экипаж назвал одну деталь, которую нельзя было получить из системы. Миша сообщил, что у первой машины заедает правый стеклоподъёмник. Сергей указал на трещину под креплением зеркала во второй. Олег положил под водительское сиденье гайку с синей краской и сфотографировал её при Елене.

— Зачем гайка? — спросил Паша.

— Чтобы отличить нашу машину от записи о ней, — ответил Алексей.

— Запись теперь ещё и гайки ворует?

— Пока только людей. Не давай ей идеи.

Елена внесла признаки в бумажный журнал. После ночного тумана у полос экипаж должен был подтвердить машину действием, а не номером с панели.

Паша посмотрел на лист и спросил, почему бумага теперь охраняется лучше людей. Елена напомнила о паспорте с двумя датами. Он согласился, что после такого даже чайной салфетке нужен свидетель.

Перед стартом Елена проверила шкаф с варежкой. Сейф-пакет лежал под прозрачной крышкой, пломбы не были нарушены. Красная шерсть потемнела от влаги, белый крест у манжеты оставался виден. Левин остановился у стекла.

— Она не любила эту варежку. Кололась.

— Тогда почему носила?

— Вторую потеряла. Вера думала, что одну вещь нельзя потерять дважды.

Он не попросил открыть шкаф. Елена записала фразу: впервые от Левина прозвучал не план, а обычное воспоминание.

Колонна выстроилась перед штабом в двадцать два сорока. Над закрытым участком собирался туман. Он лежал узкой полосой возле насыпи и не выходил на рабочие зоны.

Елена включила общий канал и попросила экипажи назвать себя и предстоящее действие. Каждый водитель подтвердил машину, пассажира и возврат к штабу. Ответы совпали с бумажными листами.

— Скорость не выше пяти километров в час. Интервал десять метров. Движение только по моей команде.

Паша сообщил, что пешком нервничает быстрее. Елена разрешила ему нервничать сидя и дала старт.

Первая машина тронулась. За ней пошли вторая и третья. Фары освещали вехи, камеры уверенно читали номера. У контрольной линии водители остановились, вслух назвали положение и продолжили. Электронная система не реагировала, шлагбаум оставался закрытым.

Туман коснулся первой машины, затем накрыл всю колонну. Силуэты ещё просматривались, но номера на камерах исчезли одновременно.

— Стоп колонне, — приказала Елена.

Ответил Олег, однако его радиостанция обозначила канал как «машина два». Он ехал в третьей и сначала назвал её правильно, затем сказал, что на панели видит второй номер.

Елена запретила смотреть на экран и потребовала сообщить последнее физическое действие. Миша проехал синюю вежу и остановился перед поворотом. Паша видел задние фонари

первой машины. Олег утверждал, что остановился после второй вехи, хотя должен был находиться дальше всех.

Ответы пришли с задержкой и в другом порядке. Радиостанция Миши подписала его как третью машину. На мониторе электронные метки сдвинулись, но фары сохраняли прежнюю последовательность.

Алексей работал с ручной схемой. Первая машина оказалась на четыре метра дальше расчётной точки. Остальные стояли возле своих вех. После команды остановки никто не двигался.

— Сместилась точка отсчёта, — сказал он. — Физический порядок колонны прежний.

На панели шлагбаума появилась команда открытия. Питание было снято, однако программа уже отметила створ свободным. В журнале возникла строка «маршрут подтверждён».

Левин вышел из кабины резерва и сообщил, что блок не подавал напряжение. Он предложил завершить круг, потому что остановленная процедура могла остаться открытой. Алексей возразил: тахограф грузовика продолжил путь именно после закрытого досмотра. Елена не стала выбирать между двумя непроверенными версиями.

— Шлагбаум не открывать. Возвращаем машины задним ходом, по одной. Перед движением водитель называет действие.

Автоматика вывела предупреждение об ожидаемом прибытии. Елена приказала его игнорировать.

Миша вслух сообщил, что включает заднюю передачу и возвращает первую машину к синей вехе. Фары в тумане качнулись. Машина вернулась к штабу, но на камере получила номер третьей. В кабине сидели Миша и Ирина. Оба без подсказки описали последнее действие.

Вторую машину вывели тем же способом. Паша открыл окно и спросил, можно ли считать, что они уже прибыли. Елена ответила, что пока они только вышли. Он назвал географию слишком требовательной, но машину поставил точно на исходную отметку.

После возвращения третьей туман опустился на асфальт и исчез. Все автомобили стояли перед штабом. Бумажные манифесты не изменились, зато электронный журнал добавил четыре безымянных пассажирских поля.

Елена запретила людям покидать машины до осмотра. Первую проверили быстро: в салоне находились двое, температура соответствовала воздуху. На заднем сиденье лежал медицинский рюкзак, который Ирина положила туда перед стартом.

Во второй машине обнаружили новый ремень безопасности. У этой модели на заднем сиденье было два штатных места, но между ними появился третий замок. Лента уходила под обивку и была застёгнута вокруг пустого пространства.

Фотография салона до старта подтверждала, что ремня не было. Тепловизор показал внутри петли холодный участок. Температура совпадала с мокрой одеждой Семёна после возвращения.

— Не растёгивать, — распорядилась Елена. — Машину в павильон. Водителей вывести через передние двери.

Левин подошёл к ограждению и первым спросил, на месте ли варёжка. Елена подтвердила, что шкаф закрыт.

— Тогда это не Вера, — сказал он.

— Вы пока не знаете, что находится в машине.

— Знаю, чего там нет.

Алексей указал на электронный манифест. Система добавила место после того, как живые люди назвали маршрут и свои имена. Бумага осталась прежней, но электронная форма сохранила свободное пассажирское поле.

Линь запросила снимки манифестов. На китайской стороне в ту же секунду появилась запись об отправленном пассажире без автомобиля. Западный журнал принял процедуру, хотя ни одна машина не выезжала с российской площадки.

— Вы назвали маршрут, экипажи и действие, — сказала Линь. — Возможно, обе системы признали один проход.

Елена сама назначила людей, подписала листы и дала команду. Если согласие открывало дорогу, система получила достаточно живых отметок.

— Тест закончен, — сказала она. — Дальше только проверка безопасности.

Левин положил на стол разрешение «Контур-Восток» и предложил принять обнаруженный объект в свою лабораторию. Елена отказала: дополнительный ремень оставался на площадке до независимой проверки.

— Название режима ничего не меняет, — сказал Левин.

— Меняет полномочия. Вы отвечали за питание, а не за находки.

Он хотел возразить, но из павильона вызвал охранник. В третьей машине появился холодный участок на заднем сиденье.

Елена первой вышла из штаба. Алексей пошёл рядом, Левин — следом. У линии досмотра она остановила Аркадия и повторила, что он подойдёт только после разрешения.

Третья машина стояла под прожектором. Олег и Антон уже находились снаружи, двери были закрыты. Через заднее стекло виднелась небольшая фигура.

Елена проверила третью машину до открытия двери. Гайка с синей краской лежала под сиденьем там, где её оставил Олег, но на фотографии после возвращения рядом появилась вторая. Она была такой же формы, только краска на грани ещё не высохла.

— Вторую не трогать, — сказала Елена. — Снять общий план и закрыть салон.

Олег побледнел и показал пустые ладони. Он даже отступил от двери.

— У меня была одна.

— Я видела.

— Значит, машина вернула запасную?

— Значит, система умеет дописывать не только пассажиров.

Алексей измерил расстояние между гайками. Приёмник вывел координату дополнительного ремня во второй машине, хотя прибор находился у третьей. Елена велела прекратить измерение и оставила обе находки на месте. С этого момента машины рассматривались не как транспорт, а как отдельные зоны досмотра.

На сиденье сидела девочка лет восьми. Волосы прилипли к щекам, куртка была мокрой. На правой руке краснела варежка с белым крестом у манжеты.

Елена сразу потребовала изображение из хранилища. Опечатанный сейф-пакет оставался под прозрачной крышкой. Варежка, найденная в грузовике, лежала внутри.

Ирина подошла к закрытому окну и показала девочке ладонь. Та подняла голову и кивнула в ответ.

— Ты меня слышишь?

— Да.

— Тебе холодно?

— Я мокрая.

— Как тебя зовут?

Девочка посмотрела мимо Ирины, туда, где стоял Левин. Отвечать она не спешила.

— Папа пришёл?

Аркадий шагнул к машине. Елена встала перед ним и потребовала вернуться за линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.